Единственная

Автор:
Ольга Гусейнова

Единственная

Ольга Вадимовна Гусейнова

Любовь внеземная (АСТ)

Выпускница престижной Академии, ксенолингвист Таяна Синичкина в один не самый прекрасный день решила стать первооткрывателем новых миров. Увы, миссия провалилась в черную дыру, причем буквально. А дальше сплошные неприятности: вместо спасения, попала в плен к жестоким инопланетянам и только собралась бежать, встретила других пришельцев. Да еще каких, боевых – космический десант! Пока освобожденная пленница вместе с новыми знакомыми ждет космический корабль для эвакуации, случиться может многое, особенно, если командир десантников молод и хорош собой…

Кто знает, сможет ли он остаться равнодушным к прекрасной землянке?

Ольга Гусейнова

Единственная

© О. Гусейнова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

С огромной благодарностью моим терпеливым читателям, а также верным помощницам: Вере Борисковой и сестре Юлии. Вы – мои главные Музы и вдохновительницы на литературные подвиги!

Глава 1

Множество парящих гравиплатформ на фоне прекрасного, бесконечно голубого неба Земли с белыми пушистыми облаками. Команды замерли навытяжку возле шаттлов, которыми нас отправят на орбиту к межзвездникам. На больших голограммах меняются изображения потрясающей красоты и яркости – запредельное световое шоу с элементами истории человечества, призванное украсить праздник в честь начала грандиозной миссии по освоению Вселенной.

Выше других парила гравиплатформа, на которой расположился весь цвет руководства Межзвездного флота Земли, большей частью подразделений исследования дальнего космоса. Солнечные лучи отражались на множестве золотых знаков отличий этих достойных людей, известных в тридцати пяти открытых мирах.

Пожилой, седовласый, весьма представительный адмирал, облаченный в белоснежную, расшитую золотыми позументами форму, громким, невероятно уверенным голосом вещал: «Шестое мая шесть тысяч сто шестого года – запомните эту дату. Ведь именно сегодня мы начинаем новую эру исследований и открытий. Именно вы ее вестники. Пятьдесят один корабль с лучшими специалистами и учеными, сплоченными командами, как нельзя лучше подобранными вместе. Вам покорится дальний космос и неизведанное. Вы те, чьими именами потом назовут открытые планеты. А может, и целые планетарные системы».

Камеры запечатлели участников ближайшей команды. Суровые лица тринадцати военных в черной форме, или чертова дюжина, неизменная на каждом судне миссии. Далее командор корабля и голограмма четверых членов экипажа, находящихся в рубке, которые управляют полетом и занимаются технической

частью. Выглядят совершенно бесстрастными – привыкли к дальним путешествиям и торжественным проводам. Форма у них темно-синего цвета. Замыкали ряд шестеро ученых, специалистов различных областей – «ботанов», как покровительственно называли меж собой военные и летный состав ученых, одетых в темно-серые костюмы. В отличие от «вояк» и «летунов», как за глаза «в отместку» назвали их ученые, на некоторых из них серая форма сидела мешковато, без особого лоска, присущего людям в погонах. Да и сами ботаны порой, кажется, забывали стоять по стойке «смирно» и расслабленно улыбались с экрана.

Адмирал продолжал вдохновенную, пафосную речь: «Сейчас на вас смотрят представители тридцати пяти известных нам миров. Наши добрые партнеры, верные соратники, хорошие соседи. Они, как и мы, ждут от этой миссии результатов, открытий, вложили в общее дело много ресурсов и труда. Так давайте докажем всем, что на землян всегда можно положиться. Мы лучшие, смелые, нам море по колено и горы по плечо.

Я убрала громкость и рассматривала лица, знакомые и незнакомые… такие далекие. Любовалась голубым небом, зелеными террасами, веселой толпой самых разных граждан Земли, дружно махавших руками, флажками, плакатами. Они – наблюдатели, а мы – непосредственные участники миссии.

По моей щеке скатилась слеза: как же так случилось, отчего, почему?

Перед глазами менялись любимые с детства виды Земли, а в мыслях я вспоминала именно тот день. Почему тогда во мне ничего не дрогнуло, предупреждая о грядущей беде? Не отговорило?

Хотя… за год до этого погибла моя семья, вся! По какому-то злому року, в результате разрыва гравитоннеля, погибли родители, родственники и друзья семьи, в тот момент собравшиеся в нашем поместье на праздничный прием в честь дня рождения моей прабабушки. И не только они. А я… Я опоздала на это торжество всего на полчаса: в академии задержали, пока вручали документы выпускникам, пока напутствовали. Тридцать минут разделили мою жизнь на до и после…

Тогда я с цветами, купленными впопыхах по дороге, подлетела к родному дому и – не узнала его. Там, где был красивый, цветущий сад, украшенный и

подсвеченный в честь большого приема, зияла огромная развороченная воронка. Из нее, словно гигантский полоз, торчали вагоны межконтинентального метро, по которому они двигались со сверхзвуковой скоростью благодаря гравитоннелям. Поэтому разрушения в момент аварии были колоссальными. Состав вырвался из-под нашего дома, смел все вокруг на километр. Соседям тоже досталось. Трагедия унесла жизни более трех тысяч пассажиров поезда и свыше пятисот человек наверху. Девяносто восемь из них – моя родня, собравшаяся на юбилей прабабушки. Ей исполнилось сто лет…

Мой ад продолжался дальше. Едва похоронила родню, меня атаковали десятки поверенных и семейных адвокатов, а я… Что я могла? Все компенсации и страховки, которые получила, став единственной наследницей, ушли на погашение долгов родственников. Кто-то задолжал рабочим и поставщикам на своих предприятиях, кто-то набрал кредитов, даже игральных долгов, кто-то кому-то что-то обещал… Много чего было, в том числе странного и немыслимого.

Я только успевала отбиваться от кредиторов и проходимцев, которые, узнав о компенсации, широко освещаемой всеми СМИ, слетелись со всей галактики, словно стая стервятников. Пришлось мне, совершенно не разбиравшейся в бизнесе вчерашней беззаботной студентке, раздавать, платить, возмещать, погашать. Я чувствовала себя беззащитной и беспомощной, чудовищно одинокой и несчастной. Стараниями семейного адвоката через полгода после трагедии и полного сиротства меня не обобрали до нитки. Осталась изуродованная земля, на восстановление которой уйдет не менее года; квартира в центре столицы, подаренная год назад родителями; весьма скромный счет в банке, с которым с голоду не умрешь, и только. Зато я абсолютно, просто девственно чиста от любых долгов, прискорбно, что и от родственников.

И вот именно тогда, устроившись с бокалом красного вина на террасе своей престижной квартиры, кутаясь в пушистый плед от осеннего ветра, я увидела новости. Завершался набор участников миссии «Звездный веер». Программу этой экспедиции представили общественности еще три года назад, просто раньше она меня не интересовала, особенно последнее время. И вот, кажется, миссия скоро стартует.

В Центральную академию Земли приходили запросы с целью найти желающих стать участниками «Звездного веера», и мне, как одному из лучших ксенолингвистов, тоже предложение поступало. Правда, когда я поделилась с родителями этой новостью, отец категорически отверг мое участие в «подобной

авантюре». Однако, оставшись круглой сиротой, не в силах справиться с тоской по родным и близким, столкнувшись с невиданным ранее отношением себе подобных в то время, когда была не в силах сопротивляться, а меня целенаправленно давили, унижали, обирали, преследовали, – призадумалась.

На экран визора впервые за полгода я смотрела с интересом, а не с отвращением. Тогда мне хотелось сбежать от всех людей, проблем и в первую очередь от душевной боли. Идея отправиться в космос показалась заманчивой. Я тут же обратилась в Адмиралтейство Звездного флота, в отдел, который занимался набором участников.

Видимо, так хотели звезды: тестирование и всевозможные проверки я прошла – молодая, физически, генетически и психически здоровая. Еще бы, каждый мой родственник гордился чистотой крови и отсутствием популярных уже несколько столетий, целенаправленных, множественных мутаций. Даже личная трагедия помогла пройти отбор – мне показалось, что сиротство было благоприятным фактором при тестировании. Окончательно прийти в себя помогли следующие полгода подготовки.

Потом торжественная церемония – и наш межзвездник в составе двадцати четырех членов экипажа вышел в открытый космос.

«Звездный веер» – миссия веерной рассылки пятидесяти одного корабля в неизученные глубины космоса. Небольшие, но прекрасно укомплектованные корабли с мощными реакторами самых последних, но досконально испытанных разработок. Благодаря им путешествие между открытыми мирами – дело всего лишь недель, а не месяцев или даже лет.

И вот мы здесь, где именно, правда, так и не узнали, но где-то далеко – однозначно. Только обратной дороги не существует.

За год пути в неизвестность было много интересного, необычного, нового, удивительных открытий. Потом командор принял решение вернуться. Ресурсов корабля осталось на обратную дорогу. Но мы не смогли! Может, Хойт Кроу, пилот-весельчак, слишком часто посылал всех в черную дыру, а руководитель ботанов, ксенобиолог Черч Номэ, любил частенько порассуждать о так и не изученном феномене появления червоточин, но именно с ней мы и столкнулись.

Точнее, в какой-то момент космическое пространство словно разорвалось – и нас, будто в воронку, затянуло в пространственно-временну?ю дыру. Попытка выскочить, чтобы спастись, не удалась, только усугубила наше положение. Создание и наращивание мощного энергополя для скачка и влияние полей червоточины чуть не разрушили сам корабль.

После того как корабль наконец выкинуло из воронки «где-то там» и экипаж пришел в себя, выяснилось, что в переделке, в которой мы побывали, уцелели далеко не все. Из двадцати четырех членов экипажа выжили лишь девять. Повезло тем, кто умер сразу! Об этом «везунчики» узнали немного позже.

– Таяна, Хойт, подойдите, пожалуйста, в салон, – прозвучал усталый голос Резникова по громкой связи.

Я еще некоторое время глядела на экран, где мелькали кадры моей прошлой жизни, вытерла слезы и приподнялась на кровати. С каждым днем двигаться хотелось меньше, а заснуть и не просыпаться – больше. Медленно спустила ноги с койки, обулась, одернула, к счастью, немнущуюся и взятую из никому теперь не нужных запасов чистую серую форму ботана – слегка облегающие брюки самого простого фасона и короткую куртку, застегивающуюся под горло. Откинула за спину длинный, уже порядком спутанный хвост светлых волос и вышла из каюты, едва не волоча ноги: силы утекали по капле, но беспрестанно.

Коридор, освещаемый тусклым светом, опять напомнил мрачное, гнетущее подземелье – у поврежденного в червоточине реактора со временем, один за другим неизбежно отказывали энергоблоки, приходилось экономить буквально на всем, отключать отсеки для сохранения энергии. Я невольно передернулась и обняла себя за плечи.

Еще больше угнетал вид второго помощника командора Дмитрия Резникова, ожидавшего меня в салоне. Некогда аккуратная, хорошо сидевшая на нем синяя форма теперь в неряшливых пятнах и разводах и свободно болтается. Сейчас он единственный, кто все время проводит, хоть как-то устраняя вал проблем, связанных с неисправностями корабля, сыплющимися как из рога изобилия. А ведь совсем недавно ему помогала неразлучная парочка: навигатор Дарья и инженер Михаил – веселые влюбленные супруги… были. Две недели назад они покончили с собой…

Равнодушно, покорно судьбе я спросила:

– Что-то еще случилось?

– Ты починил блок навигации? – чуть более эмоционально поинтересовался пришедший следом за мной Кроу.

Хойт Кроу – пилот корабля – раньше тоже вместе с Резниковым ремонтировал проводку, копался с оборудованием, придумывал, как спастись, а теперь походит на полутруп. Умереть – смелости нет, а жить – желания.

– Нет, Даннарт основательно поработал над дисплеем и внутренним блоком – уничтожил все качественно, – констатировал Резников.

– Вот скотина, – равнодушно, скорее по привычке, выругался Хойт. – Сходил бы с ума в одиночку – так нет, решил и нас приобщить. Нет бы, как Верона, тихонько вены в каюте перерезать, никому не мешая, – этот идиот решил сдохнуть феерично, с искрами и жареной корочкой. Придурок.

Мысленно я согласилась с ним. Жан Даннарт – один из офицеров группы сопровождения – во время «перехода» сильно ударился головой и в результате получил повреждение мозга. Выжить выжил, но после натворил немало бед, усугубив и так критическое положение. Да что там, сделал его катастрофическим. Убил своего командира за приказ, отданный не тем тоном, а потом выбрался из карцера, куда его посадили от греха подальше, и разгромил рубку, тем самым уничтожив системы управления и навигации, еще хоть как-то функционировавшие. Заодно и сам поджарился, и рубка безнадежно провоняла.

Теперь наш межзвездник – консервная банка, которая неизвестно куда движется. А мы, как просроченная рыба в собственном соку, мучаемся и тухнем.

– О мертвых либо хорошо, либо никак, – с досадой оборвал Хойта Резников.

Мы все уважали первого помощника командора – человека сильного, надежного, умного, достойно ведущего себя даже перед лицом смерти. Ему всего сорок два, молодой, с учетом того, что люди живут до ста двадцати. Представительный, статный, симпатичный, тоже блондинистый мужчина. Мне двадцать три, но при

этом ко мне он относился как к дочери. Ласково, по-отечески трепал по макушке. Сначала все решили, что он увлекся мной, даже я тогда почувствовала себя неловко, но довольно скоро разобрались, что совсем не страсть или любовь были причиной его заботы.

Случайно кто-то из экипажа увидел в каюте Резникова голограмму его семьи, где он обнимал женщину и девочку, походившую на меня. Потом мы узнали, что Резников разведен, дочь давно не видел – жена не позволяет.

За год в экспедиции мы хорошо узнали друг друга. Казалось, все двадцать четыре члена экипажа стали роднее родных. А после встречи с червоточиной оставшиеся в живых девять человек еще и досконально познакомились с недостатками друг друга, в полной мере проявившиеся за полгода космического дрейфа, изнурительной борьбы за выживание. Кто-то, как Резников, остался человеком чести до последнего, бойцом! Или, как бывший весельчак Хойт Кроу, а ныне нытик и ворчун, психологически сдался, однако смерть его еще пугает. Или, как я, со временем превратился в созерцателя. Жить хочется до дрожи, но сил на борьбу просто нет, и как спастись, не представляла.

– Ну, и зачем нас позвали? – вяло возмутился Хойт. – А где Анна? Опять поминает Монтенеску? Скоро белочек ловить начнет. Столько пить, да еще на голодный желудок!

– Анна ушла за Монтенеску, – поморщился Резников.

– Куда ушла? – одновременно переспросили мы с Хойтом.

Впервые за все время помощник командора сорвался на крик:

– Куда-куда, в открытый космос! Напилась до невменяемого состояния, видимо, и пошла своего любимого Ивара искать. Я нечаянно заметил, когда экранами наружными занимался. Она как раз мимо… «проходила».

Я осела на пол и, обняв себя руками, всхлипнула:

– Это какое-то безумие! Когда уже все закончится?

Резников отвернулся, нервно потер голову обеими ладонями, явно усмиряя секундный порыв выдрать волосы. Затем устало, сраженно опустился на ближайший стул.

Хойт привалился плечом к двери, словно не осталось сил сделать шаг в некогда замечательный, уютный салон исследовательского судна. Это так называемое место психологической разгрузки специально сделали удобным, в приятных глазу тонах, с мягкими диванами, позволяющими телу расслабиться, со столами, над которыми плавали трехмерные изображения любых объектов, – все возможное, чтобы участники длительной экспедиции могли отдохнуть, пообщаться и обсудить животрепещущие вопросы.

Наконец Резников глухо произнес:

– Я вынужден признать: восстановить навигационную систему корабля не в силах. Мы слепы как кроты. Что не уничтожила червоточина, доломал Даннарт. Вернуться домой мы не можем…

– Еще бы знать, в какой точке мы и в какой вселенной наш дом, да? – ядовито процедил Хойт.

Помощник командора посмотрел на пилота, хотел ответить жестко, но, устало опустив плечи, продолжил так же глухо:

– Воды хватит на неделю максимум. Если экономить еще больше.

– Больше некуда, пить хочется постоянно, вода хоть как-то глушит голод, – пожаловалась я.

– А еды… – Резников тяжело вздохнул и признался: – Я полностью разобрал установку, чтобы выгрести остатки. Есть больше нечего.

– Значит, скоро съедим Тайку, – усмехнулся Хойт.

Я испуганно посмотрела на него – поверила безоговорочно. История человечества знает немало примеров, когда ради выживания и в голод люди поедали себе подобных.

Резников тяжелым взглядом смерил «людоеда» и возразил с нажимом:

– Предлагаю быть людьми. Нас осталось трое. Судно умирает, пищи нет, вода на исходе. Воздуха хватит, конечно, на дольшее время, но это лишь продлит агонию.

– Что вы предлагаете? – сипло спросила я, подсознательно уже зная ответ.

– Я активировал нулевой код…

– Программу самоуничтожения, как только на корабле не останется ни одного живого человека? – уточнила я.

– Да.

– Да какая разница, что станет с этой железякой, когда мы все помрем? – раздраженно махнул рукой Хойт.

Я в недоумении посмотрела на пилота. Даже мне, ксенолингвисту, понятно: на корабле слишком много информации, тысячи образцов, взятых на новых планетах. Мои мысли подтвердил Резников:

– Если ты умираешь, это не значит, что мы должны подвергать угрозе свой мир. Наша железяка может дрейфовать в космосе долго, когда от тебя даже костей не останется. И неизвестно, кто найдет корабль и кому достанется ценнейшая информация. Да, с нашим уровнем развития мы не можем найти дорогу домой. Но, вполне вероятно, может найтись кто-то более умный и продвинутый…

– Спасибо, что напомнил… про кости, – неожиданно иронично, как раньше, усмехнулся Хойт.

– Надо прибраться. Везде! – решительно предложила я.

– Попрощаться со всеми, вспомнить в последний раз, – кивнул Резников.

– Подчистить всю базу, чтобы уж точно были чисты как младенцы, – согласился Хойт.

– А потом, – Резников вытащил из кармана три миниатюрных шприц-тюбика с голубоватой жидкостью и горько улыбнулся, – спокойно лечь спать.

Новая задача взбодрила нас, придала жизни хоть на короткий срок, но тем не менее. Наверное, это бессмысленно, но мы навели порядок в каютах погибших товарищей, словно они скоро вернутся и им будет приятно увидеть голограммы любимых людей, аккуратно сложенные вещи. Уничтожили все образцы, наши многочисленные лаборатории теперь сияли девственной белизной, как в самом начале экспедиции. Системы и базы данных обнулили.

Потом мы посидели втроем в салоне, включив максимально возможное освещение, допили бутылку спирта, оставшегося от Анны, крепко обнялись и, разобрав шприцы, отправились по каютам. Перед смертью каждому из нас хотелось подумать, побыть наедине с собой и, мне кажется, банально набраться смелости, чтобы рука с ядом не дрогнула.

Глава 2

Из забытья меня вырвали чужие руки, кажется. Уже было сложно определиться: бред это или реальность. Я просто ощутила и словно сквозь мутную пелену увидела, как из моих пальцев вытащили шприц с голубой смертью. Забрали у меня легкую смерть или меня у нее.

Ни думать, ни шевелиться не осталось сил: безнадега, голод, обезвоживание сделали свое черное дело. Только в одном не преуспели – не смогли вынудить меня принять яд. Сколько дней я так валялась в каюте? Все смешалось. Но каждый раз, стоило поднести шприц к телу, срывалась в истерику – боялась страшно.

Жить хотелось до ужаса!

Я попыталась сосредоточиться, но тщетно. Словно во мгле мелькали темные фигуры, которые рылись в моих вещах, бросали их в какой-то контейнер. Потом вновь ощутила прикосновение, короткий взлет и холод по спине.

Меня несли. Кто, куда, зачем? Неизвестно. Сначала темный корабельный коридор, по которому последнее время впору было ходить на ощупь, а уж что-то разглядеть… А потом – ослепительно-яркий свет заставил закрыть глаза, да и не хотелось больше сопротивляться поглощавшим меня тьме или свету…

Очнувшись снова, я открыла глаза и зажмурилась от резкого, слепящего света, бившего даже по векам. Я уже умерла и это рай? Может, встречусь здесь с родными? Хоть какое-то утешение после печальной и бесславной кончины.

Вдруг пронзительно-слепящую тишину нарушили два голоса – непривычных, незнакомых, каких-то булькающих, один чуть выше другого. Омерзительная волна страха прошила меня до кончиков ногтей. Совершенно неизвестный язык отозвался дрожью в теле, зашумел в ушах. Никогда не думала, что, будучи хорошим ксенолингвистом, имеющим в своем активе несколько сотен языков и диалектов, окажусь настолько неподготовленной к подобному.

Сразу после короткого диалога со мной начали проделывать какие-то манипуляции. Чьи-то руки действовали аккуратно и уверенно, показалось, еще и бесцеремонно, словно я нечто неодушевленное. По ощущениям, с меня снимали присоски с датчиками, затем что-то распылили. По влажной коже побежали мурашки, усиливая дискомфорт, – воздух стал более прохладным, чем обычно.

Наконец, осмелившись приоткрыть глаза, прищурившись от непривычно яркого света, я посмотрела на… невиданное, потрясающее воображение существо. Вроде бы гуманоид: голова, две руки и две ноги, с меня ростом, то есть примерно метр семьдесят. На этом сходство закончилось. Голубой цвет кожи говорил о том, что, скорее всего, в его крови не железо, как у нас, а медь. Голова – как у акулы-молота, с «боковыми» глазами, круглыми, с узким вертикальным зрачком; широкий приплюснутый «лоб». Носа нет. Вместо привычного рта – выпуклая складка, которая периодически морщилась, а слева и справа от нее две горизонтальные щели. Это рот? Или что? Может – жабры? Хотя… какие жабры, если мы оба без защитных костюмов и дышим одним и тем же воздухом? Это открытие меня порадовало, ведь постоянно находиться в скафандре – хуже только умереть.

Вероятно, только благодаря своей немощности и парализующему страху я с криком не пустилась в бега, когда существо взяло у меня немного крови незнакомым прибором и, наверное, с неменьшим интересом, чем я его, изучало данные, появившиеся перед ним на виртуальном экране.

Поморгав и немного привыкнув к слишком яркому свету, я с огромным интересом и опаской рассматривала то пришельца-страхолюдину, то окружающее пространство. Жуткая «акулья» голова этого гуманоида держится на мощной шее. Широкие плечи, развитый торс, руки с шестью пальцами – два противостоят четырем. Ноги в необычных ботинках на толстой подошве. Одежда непривычная: с ячеистой структурой, пористая, по-моему, с эффектом дыхания, серо-зеленого цвета, тоскливого, как туман в лесу.

Второй пришелец заинтересованно таращился круглыми зенками в головизор и, жестикулируя руками, приближал и менял картинки на голубом экране. Похоже, исследовал особенности моего тела. Рядом с картинками бежали белые символы. Видимо, он сравнивал их с другой колонкой, выделенной желтым цветом. Выявив что-то любопытное, этот индивид вновь забулькал. А я сделала вывод, что боковые щели выполняют функцию рта, даже двух ртов.

Небольшое помещение, в котором мы находились, ассоциировалось у меня с медицинским отсеком, по принципу: куда еще можно было отправить умирающего от голода и жажды человека. Помимо моей, скажем так, полукапсулы, имелись еще несколько таких же и неизвестного назначения оборудование. Третий «медик», которого я увидела, отважившись покрутить головой, словно парил в окружающем его сиянии и, судя по сосредоточенному виду и спокойным жестам, тоже чем-то занимался.

Я вновь посмотрела на первого пришельца и поймала его взгляд – ощущение, словно на меня чересчур умная акула, даже разумная, с прямо-таки человеческим интересом посмотрела, отчего внутри все сжалось от страха. Показалось, что этот гуманоид мужского пола, хотя, скорее всего, надо мной довлели стереотипы. Неожиданно незнакомец коснулся кончиками пальцев моей щеки, заставив вздрогнуть. И затем – покраснеть, наверное, до кончиков волос, потому что он мягко провел по скуле, скользнул пальцами по плечу, руке до кисти, напомнив, что я абсолютно обнаженная.

Кожа у гуманоида оказалась мягкой и более холодной, чем у нас. Он взял меня за руку и осторожно, но настойчиво помог сначала сесть в капсуле, а потом выбраться из нее. Чувствуя себя ужасно неловко голой перед иномирцами, я непроизвольно перекинула на грудь почему-то влажные волосы и закрыла ладонями низ живота. Зябко передернула плечами. Холодно здесь, а в капсуле наверняка поддерживалась комфортная температура.

Еще обратила внимание, что очень сильно похудела, правда, привычной в последнее время невыносимой слабости, от которой каждая мышца походила на желе, я уже не ощущала. Надо полагать, меня кормили питательными растворами. И раз я выжила благодаря «акульей» медицине, значит, мы со страшными синекожими гуманоидами похожи не только тем, что дышим одним воздухом, но и питаемся одинаково.

В полном молчании глазастый «мужик» отвел меня в кабину, где опрыскал зеленой мерзостью, пахнущей, как протухшие на солнце водоросли, а потом, кажется, вымыл в ионном душе и вывел наружу чистую до скрипучести. Даже кожа порозовела. Затем жестом указал, к моему невыразимому счастью, на мою одежду, сложенную на низком столе. Одевалась я быстро. Во-первых, нечего расхаживать перед неизвестно кем голяком, во-вторых, мерзла не на шутку. К еще большему счастью, мои вещи оказались чистыми, хоть и отдавали душком тех самых водорослей. Неужели меня обрабатывали, как и одежду? Любопытно!

Как ни удивительно, мои, помнится, спутанные, серые, грязные волосы вновь легли на плечи мягкой золотистой волной. Обувшись, я выпрямилась и наткнулась на внимательные взгляды трех пар умных акульих глаз. Невольно сделала шаг назад и только силой воли удержалась на месте. Пришельцы спокойно разглядывали меня, а как себя вести и что делать, несмотря на профессиональную подготовку, – поди узнай без инструктора. Они тоже молчали. Наконец осмотр завершился. Первый, назвала его пока так, коль никто из них не представился, «булькнул» команду – и сверху опустился щуп. А в следующее мгновение, беспомощно пискнув, я зависла над полом в ярком сиянии, словно в киселе. В распахнутые от ужаса глаза вперились световые лучи, выжигая мысли, эмоции, страхи…

Не знаю, сколько времени я провела, походя на пришпиленную бабочку, но всему приходит конец, в чем убедилась в очередной раз, вырвавшись из забытья и сидя на полу. Мне вновь прыснули чем-то в лицо, я открыла глаза и сфокусировала взгляд на жутких акульих зенках.

– Ты слышишь? Понимаешь меня? – булькнул мне на ухо Третий, поддерживая за плечи.

Я сначала дернулась от неожиданности, а потом, осознав, что понимаю пришельца, растерянно замерла. Вот так сюрприз: меня немного жутковатым способом обучили чужому языку. Вернее, подвергли обучению, сделали

объектом воздействия. И тем не менее я поблагодарила:

– Да, спасибо. Теперь я вас понимаю.

Говорила медленно, осторожно, точнее, издавала булькающие звуки, не веря собственным ушам. Удивительно, но это оказалось несложно для человеческого речевого аппарата. Новое знание порадовало, ведь появилась возможность общаться, а значит – адаптироваться к новым условиям жизни. Еще бы узнать, в какое «тридевятое царство» я угодила.

– Это хорошо, – ответил Третий.

Я поспешила задать самый животрепещущий вопрос, отчаянно боясь услышать ответ:

– Жив ли еще кто-то из моей команды?

– Второй в норме, как ты, третий на реабилитации. Когда мы вас нашли, его функции были почти полностью подавлены токсином, который находился у вас в руках. Но его жизнеспособность восстановлена.

У меня слезы выступили от невероятного облегчения. Какое счастье – я здесь не одна. Кроу и Резников живы.

– Благодарю вас от имени экипажа за спасение, – с радостной улыбкой выпалила я от всего сердца. И сразу же перепугалась, вспомнив о печальном: – На корабле включена самоликвидация… если не будет обнаружено живых…

Спасители свистнули, кажется, тем самым по-своему выразив ироничный эмоциональный подтекст.

– Это мы уже выяснили, ваш транспорт сброшен и уничтожен. Деактивировать код ликвидации наши специалисты не успели.

– Простите, что доставили вам беспокойство и подвергли опасности, – произнесла я, расстроившись из-за утраты единственного средства передвижения и переживая, что мы чуть не погубили спасателей.

– Вы наши посетители, мы готовы к приему, – последовал любопытный ответ.

В академии у нас был большой и длительный курс по контактам с иномирцами: многочисленные особенности, культурные обычаи жителей других миров или видов. Но, оказавшись лицом к лицу с представителями неизвестного вида, причем голой и в единственном числе, я совершенно растерялась. К такому нас не готовили.

Я с усилием встала на подрагивающих ногах – все-таки силенок пока маловато, и попросила:

– Извините за доставленные неудобства. Скажите, пожалуйста, когда я могу увидеть своих спутников. Что с нами будет дальше?

– Вы наши посетители, мы готовы к приему, – повторил загадочную фразу Третий. А потом, к моему облегчению, добавил: – Ты на станции дронов. Дрон – название нашего вида. Твой второй спутник Дим Рез в каюте. Твоя каюта рядом. Там тебя ждут питание и сон. Потом общение. Возможно, состояние третьего – Хойта Кроу – скоро будет допустимым для перевода в каюту и передачи вам.

Странно, почему Резникова назвали укороченным именем? Третий неожиданно приподнял мою кисть и указал пальцем на кибер:

– Что это? Сканер показывает: это не живое.

Я неосознанно накрыла ладонью сантиметрового диаметра кружок, едва выделяющийся на коже голубоватым пятнышком, потерла запястье, судорожно размышляя, как бы ответить, и решила из осторожности сказать о части функций кибера:

– Это обычный имплант. Его вживили для удобства работы на корабле. Доступ в каюты, лаборатории, к питанию… Корабль уничтожен и сейчас он бесполезен. Со временем сам рассосется.

Гуманоиды заметно расслабились, правда, мне на миг почудилось, разочаровались. Словно надеялись, что это не обычный бытовой имплант, а что-то более интересное. Хотя кибер не только интересный. Но я насторожилась,

узнав, что помощник командора назвался другим именем, поэтому о других возможностях кибера умолчала.

Затем мне указали на выход. Выйдя из медотсека, я замерла, в изумлении распахнув глаза: скорее всего, я оказалась на передвижной космической станции, а не стационарной. Ее ядро – огромный, сияющий нестерпимо белым светом стержень, который вращается, испуская даже видимые глазу энергетические волны, словно завис в бездне, вероятно, удерживаемый полями. Запредельное зрелище! Вокруг стержня медленно кружат рабочие и жилые уровни. А от сияющего ядра их защищает переливающаяся яркими сполохами энергетическая стена.

К стержню выходит множество коридоров и отсеков, как тот, из которого я вышла в сопровождении троих медиков. Мимо проходили десятки других, похожих друг на друга «акул», и все-таки разномастных, отличающихся оттенком кожи, ростом и размером головы. Но вот определить, кто из них какого пола, мужского или женского, я не смогла. Привычных отличительных особенностей, как у землян или других известных нам видов, не заметила.

Я забыла обо всем, механически передвигая ноги по рифленому полу и задрав голову, разглядывала огромный прозрачный купол над станцией. Через который были отчетливо видны далекие звезды, мерцающие в черноте космоса, и довольно близко находящаяся яркая сине-зеленая планета, чем-то похожая на Землю. У меня дыхание перехватило от восхищения. Не в силах оторвать глаз от великолепного, грандиозного порождения Вселенной, я восторженно выдохнула:

– Это ваша планета? Ваш дом?

– Нет. Это недавно открытая планета, ее исследуют.

– Там есть пригодная для дыхания атмосфера? – не сдержала я любопытства.

– Да, планета пригодна для проживания нашего вида. И вашего. Но она опасна.

– Чем? – расстроилась я.

Мои сопровождающие промолчали, не грубо, но настойчиво направив меня по одному из коридоров. Придется отложить вопросы на потом. Скоро меня привели в каюту – пустой бокс два на два, куда вместе со мной вошел Первый. Взял меня за руку и приложил ладонь к переборке со словами:

– Здесь отдыхать.

Из переборки медленно трансформировалась узкая полка, застеленная похожей на форму инопланетян тканью. Затем Первый приложил мою ладонь в другом месте и открыл отсек, похожий на бар, с брикетами и пакетами:

– Питание.

– А туалет? – тихонечко спросила о насущном.

Меня подвели к углу и приложили ладонь. Я чуть не хихикнула от неожиданности: в полу открылось небольшое отверстие, видимо унитаз, а сверху вылез душ.

– Опустошение, потом душ. Будет чисто, – по-прежнему лаконично пояснил инопланетянин.

Шагнул к кровати и приложил мою ладонь рядом – в переборке медленно скрылись едва заметные створки, открыв узкую нишу от пола до потолка. Заглянув в «шкафчик», я увидела свои вещи из прежней каюты.

– Спасибо огромное, – улыбнулась я глазами, помня, что многие гуманоиды улыбок землян не понимали.

– Без сопровождения не выходить, – предупредил Первый, когда я хотела спросить о встрече с «Димом Резом», и вышел.

Я осталась одна и с множеством вопросов. Главный из которых: мы тут пленники или гости? Придется смириться. Пока. Осторожно попробовала чужую пищу – и съела почти все. В тот момент, когда полка-поднос начала втягиваться обратно в «бар», схватила с нее пакет с жидкостью и последний брикетик. Я не жадная, а запасливая: после голода к еде относишься бережно. Открутила крышку у

пакета и попробовала. Вода! С едва ощутимой кислинкой, чистая и вкусная. Надеюсь, спасатели проверили нас на совместимость и я не умру после их пищи.

Затем я успешно воспользовалась иномирным туалетом и легла на кровать-полку, принявшую форму моего тела. Вполне удобно. И наконец-то расслабилась, впервые за долгие месяцы ощущая сытый, полный желудок и не испытывая постоянной жажды. Я осознала, что выжила.

Я выжила!

Накатила эйфория такой силы, что я расплакалась навзрыд. Хотелось прыгать, орать, смеяться, но пришлось взять себя в руки. Свернувшись калачиком, я радостно ощущала свое тело, кажется, каждую свою косточку чувствовала.

Я жива!

А ведь могла вколоть себе яд сразу по возвращении в каюту в тот злополучный день, когда покончила с собой Анна. Хойт Кроу все-таки воспользовался ядом, пусть не сразу, но решился. А мы с Резниковым – нет, предпочли умереть от голода и жажды.

Еще есть удивительная, явно живая планета, от которой захватывает дух. Только открытая, хоть и опасная, но пригодная к жизни.

С мыслью о ней я заснула.

Глава 3

– Зачем тебе это? – недоумевал Хойт, наблюдая, как я упаковку с едой прятала в шкаф. Заглянул туда и, увидев под одеждой залежи питания и воды, вовсе удивился: – Ты, как мышь, закрома делаешь?

Я смутилась, потом, поморщившись, призналась:

– Недавно проверила первые отложенные пакеты. Еда свежая, вода тоже. А запас карман не тянет. Мало ли что наши непредсказуемые спасатели завтра придумают.

Дмитрий Резников сидел прямо на полу, облокотившись о дверь спиной. И словно внутрь себя смотрел, наверняка задумавшись о чем-то важном. Наконец он поделился, но не на всеобщем, теперь известном и дронам, а на русском:

– Таяна права, Хойт. Нам в самое ближайшее время придется вновь задуматься о спасении.

– Ты считаешь, все настолько плохо? – удрученно вздохнул Кроу. – А я только-только поверил, что выжил.

Я провела пальцами по едва заметным зарубкам, которые зачем-то процарапала на переборке над кроватью. Согласно земному времени, мы прожили у дронов двадцать восемь дней: хронометр мне вернули вместе с вещами.

– По-моему, они выжали из нас максимум информации и взяли все возможные образцы. Заметили, как кардинально изменилось их отношение к нам в последнее время? – Резников озвучил то же самое, о чем догадалась сама, но думать боялась.

Мне осталось только горько добавить:

– Да, недолго они в космических спасателей играли. Быстро им благодушие и расположение изменили.

– На последнем осмотре меня назвали странно – дубликат ранта, – задумчиво отозвался Хойт.

Резников напрягся и сел прямо.

– Вы видели данные, которые они скрупулезно изучают? Благодаря нам. – Мы с Хойтом кивнули, и помощник командора продолжил: – Так вот, дотошные акулы сравнивают наши показатели с приведенными в соседней колонке, подписанной «рант». И разница между нами, как показывает та длинная-предлинная

табличка, – очень небольшая.

– Ты хочешь сказать, земляне практически идентичны каким-то рантам? – заинтересовался Хойт.

– Ну не идентичны, различия есть, но минимальные. Вероятно, мы вполне совместимы. И главное, можем дышать одним воздухом и жить в одной среде!

Внезапно мне в голову пришла идея:

– Друзья, а может, ранты живут на той планете? Рядом с которой мы висим? Может голубые акулы открыли новый мир, новый вид, может, даже нас вначале приняли за рантов? Поэтому осторожничали первое время. А теперь выяснили, что мы чужаки из дальних далей, вот и не считают нужным быть с нами вежливыми, а в перспективе – гуманными?

Мы обменялись задумчивыми, озабоченными взглядами.

– Может быть, может быть, – кивнул Резников. – В любом случае я недавно прогуливался в шестой зоне…

– Нам показывали, знаем где, – поторопили мы с Хойтом.

– Так вот, там расположен один из четырех эвакуационных отсеков со спасательными капсулами. Они выглядят необычно, конечно, но если будет хоть пять минут, чтобы разобраться, думаю, я смогу их вскрыть…

У меня ноги ослабели. Я опустилась на край кровати, положила руки на колени и тоскливо посмотрела на Дмитрия:

– Ты хочешь… ты думаешь, нам придется…

– Тай, это очевидно даже такому завзятому оптимисту, как я, – печально усмехнулся Хойт. – Эх, жестока с нами судьба. То бросает в объятия смерти, то снова дарит жизнь, а потом вновь пускает по лезвию ножа.

– Да ты романтик, я смотрю, – весело улыбнулся Резников, сняв напряжение в каюте.

И тем не менее я тяжело вздохнула:

– Кажется, я слишком привыкла к смерти: постоянно кто-то рядом со мной умирает.

Хойт пересел ближе ко мне, неожиданно обнял за плечи и по-дружески тепло посоветовал:

– Детка, ты просто прими как данность: тела – смертны, а душа – вечна. Поэтому, пока есть возможность, борись за жизнь бренного тела и береги бессмертную душу.

Дмитрий добавил:

– Не трать и так короткое время, оплакивая погибших, все равно придет срок, когда мы встретимся где-нибудь…

– Когда-нибудь, – усмехнулся Хойт.

Помощник командора решительно заявил:

– В общем, если из нас троих кто-то не выживет, всякое бывает, совершенно серьезно предупреждаю: я категорически против, чтобы меня оплакивали! Вспомните при случае добрым словом – и достаточно.

– Братцы, если выживу, оторвусь по полной, – пообещал Хойт с прежним задором. – Ни в чем себе не буду отказывать. Есть – от пуза, спать – всласть, любить – от всего сердца. За всех!

И протянул нам руку. Мы поняли его сразу и, положив свои ладони сверху его, кивнули. Дали молчаливое обещание: кто выживет, тот будет жить за остальных.

– Когда собираемся уйти не прощаясь? – вернулся к насущной теме Хойт, посмотрев на нашего командира.

– Надо собрать еще провизии, воды. Может быть, медикаменты…

– Мне вернули аптечку, – похвалилась я. – Пробы взяли, и все. Правда, там ничего особенного, так, первую помощь оказать.

– Хорошо, что одежду оставили, – Хойт одобрительно посмотрел на свою синюю форму с пилотскими нашивками, а потом поморщился: – А то на их дырявые костюмчики без слез не взглянешь.

Я передернулась, поправив форменную серую куртку, наконец-то больше не висевшую на мне как на вешалке.

– Уже месяц здесь и свой прежний вес почти набрала, но мерзну постоянно.

Хойт ухмыльнулся, протянув мне флакончик:

– Я тоже теплолюбивый. На, мне от насморка выдали, могу поделиться.

Я подозрительно посмотрела на зеленую жидкость:

– Они на тебе уже много чего испытывали. Не боишься, если, как неделю назад, опять кровью захлебываться будешь?

– Глазастые умники сказали, тогда дозировку не рассчитали, а так хорошее средство от кашля, – с присущей ему иронией отозвался Хойт. – Но ты права, Тай, меня используют в качестве подопытной крысы и пробуют все подряд.

– А на мне проверяют физические нагрузки, – мрачно поделился Резников. – Позавчера чуть глаза не лопнули от напряжения. Уроды.

Мы с пилотом посмотрели на помкома с сочувствием, глаза у него до сих пор в красных прожилках лопнувших сосудов. Пришел мой черед жаловаться:

– Меня на восприимчивость проверяют. Языку обучили, а теперь тестируют на скорость обучения письму. Цветовой диапазон, широта восприятия обоняния, скорость запоминания, логика мышления… Словно животное. Разные дурацкие задачки предлагают, а потом группой едва не взахлеб обсуждают, как я их решаю. Признаться, я часто просто методом тыка пользуюсь. А они от итогов в ступоре, пытаются логику землянки понять. Каким образом я к тому или иному ответу прихожу. Видимо, стереотипы мышления выявляют…

Мужчины расхохотались. Через минуту Резников, вытерев слезы, сквозь смех выдавил:

– Вот оно, главное оружие землян, – женщины! Поскольку вы до сих пор непостижимы даже для нас, что же говорить про бедных иномирцев.

Наши посиделки прервал один из опостылевших экспериментаторов. Нам они до сих пор не представились, и про себя и между собой мы называли их по номерам. Пришел наш общий Третий. Постоянно с нами работали так или иначе восемнадцать голубых дронов. Остальные обитатели станции через несколько суток внимания на нас почти не обращали. Дисциплина здесь, безусловно, железная.

* * *

Думаю, мы, земляне, выглядели достойно в форме исследователей дальнего космоса, стоя посреди просторного прямоугольного отсека перед представителями другого вида.

По-видимому, нас привели в помещение для совещаний. На одном из интерактивных экранов зависла загадочная планета, очень похожая из космоса на родную Землю. Дроны рассаживались на высоких стульях, встроенных в пол. На подлокотниках появлялись интерактивные панели, где они смотрели информацию, что-то записывали. Вообще-то у землян схожие технологии. Хотя за время пребывания «в гостях» мы с Кроу и Резниковым, к немалому удивлению и расстройству, выяснили, что технологии «акул» в чем-то опережают наши. И это только то, о чем нам сочли возможным сказать, показали. А сколько еще неведомого от нас таят?

Десять дронов, контактировавших с нами, приготовились общаться. Нам присесть не предложили, вынуждая чувствовать себя подобно студентам перед приемной комиссией. Первый – парой манипуляций – создал между «комиссией» и нами проекцию, на которой зависли цепочки ДНК, и сразу задал вопрос в лоб:

– Вы представители одного вида?

– Да, конечно, – слегка удивленно ответил Резников.

Мы уже привыкли, что он первым ответ держит.

Указав на несколько специально выделенных участков в цепочках, Первый продолжал настаивать:

– Вы представители одного вида, но в вашем генотипе слишком много отклонений. Как подобное может быть? – Мы молчали, а дрон предположил: – Вы искусственно созданные прототипы?

Резников усмехнулся, покачав головой. Не хотелось бы касаться этой щекотливой темы и сообщать нелицеприятную информацию нашим чересчур дотошным хозяевам, но оставаться «искусственными» в плену – неразумно. Могут и в расход пустить. Помкому пришлось признаться:

– Согласно международной конвенции пять тысяч пятого года создание искусственных людей категорически запрещено законом. На опасных работах используют роботов, но придание им человекоподобного вида тоже запрещено.

– Почему? – предсказуемо заинтересовались иномирцы.

– В нашей истории был сложный период подмены понятий человечности, утраты моральных ценностей. Тогда чуть не уничтожили нашу планетарную систему и человечество в целом. Но сла… по счастью, нашлись умные люди, которые остановили убийственный процесс.

– Поясните, столько различий в генотипе у представителей одного вида, – привычно ровным, как раньше казалось, равнодушным тоном спросил Первый.

– После тех печальных событий человечество было на грани вымирания. Тогда начали генетически модифицировать его остатки, чтобы укрепить, усилить, улучшить. В результате впали в очередную крайность. Уже в следующих поколениях попытки генетических улучшений отразили полную преступную ошибочность. После многих якобы полезных мутаций в новых поколениях выявлялись отклонения. Так, потомки людей, которые были модифицированы для защиты от любой аллергической реакции, могли умереть от укуса даже безобидного насекомого. Поэтому со временем множественные или не жизненно необходимые вмешательства на генном уровне были запрещены законом. И введены специальные биологические маркеры, которыми пытались предотвратить смешивание искусственных мутаций, точнее, отличных от общего первичного генотипа. Но отголоски тех времен вы видите сейчас на экране.

– Кто из вас более натурален? – уточнил Второй. – Кого можно считать базисом?

Мои спутники невольно посмотрели на меня. Пришлось ответить:

– Я. Мои предки решились только на одну генную мутацию. У меня врожденная способность к восприятию языков. И ксенолингвист я не столько по призванию, сколько по наследству. Хотя эта способность, конечно, не у всех в роду проявляется ярко, как у меня. Но любой представитель моей семьи знал не менее десяти языков, даже не работая в области лингвистики.

Дроны перевели акульи взгляды на моих товарищей, и тем пришлось честно поведать о своих наследственных мутациях. Полученная информация весьма заинтересовала иномирцев, вон как голубые толстые пальцы мелькали, записывая данные.

Наконец Резников не выдержал и сухо уточнил:

– Мы бы хотели знать: что с нами будет дальше?

Общее молчание – и неожиданно дрон под номером семнадцать, который меньше всего с нами контактировал, но часто был наблюдателем, произнес:

– Наше руководство примет решение о вашей судьбе.

– Нам нужны более четкие ответы, поскольку ваши исследования в последнее время носят опасный характер для нашего здоровья, – упорствовал Резников.

– Наше руководство примет решение о вашей судьбе.

– Кто такие ранты? – вдруг спросил Хойт. – Это жители планеты, рядом с которой висит станция?

Один из дронов не сдержался, гневно забулькал:

– Вонючие двуногие, темнота, гниль им внутрь.

Соплеменники несдержанного иномирца, все как один, посмотрели на него строго, а нам сказали:

– Нет, ранты к этой планете не имеют отношения. Мы ее недавно открыли и проводим исследования.

Мы втроем тоже понятливо переглянулись. Значит, нас сравнивают с теми самыми темными, вонючими двуногими, которым пожелали сгнить изнутри. Именно с ними мы настолько похожи, что нас решили исследовать, по-видимому, с целью выявить слабые места у рантов. Занимательно! И это еще мягко сказано.

Кроу шепнул мне на ухо:

– Похоже, у них тут военные действия с нашими «клонами», а мы меж двух огней.

Резников тоже слышал и кивнул согласно. А я в очередной раз убедилась, что обычно душка и весельчак Хойт как ворона: что-нибудь да накаркает. И ведь сбывается! Не успели мы переварить очередное «кар», станция буквально содрогнулась. Мы удержались на ногах благодаря поддержке друг друга. А «акулы» попадали со стульев. Резво подскочили и начали спешно выяснять, что случилось. На нас пока внимания не обращали.

– Может, пора отчаливать? – шепнул Резников. – Пока им явно не до нас.

Я была ни жива ни мертва: опять авария, опасность! Внутри все в холодный комок сжалось. Мне двадцать три года, а до сих пор не любила и толком не жила, словно откладывала все на потом по совершенно, оказывается, надуманным причинам.

Скорбеть о своей несчастной доле дальше не вышло – станция вновь содрогнулась. На этот раз всех разметало по «конференц-залу». Резников кубарем вылетел в открывшуюся дверь, я свалилась на беднягу Хойта, он даже крякнул от боли. Мы приподнялись и на четвереньках подползли к дронам, находившимся в таком же плачевном положении. Я просипела:

– Что происходит?

Мне не ответили, а в следующее мгновение началось невообразимое. Откуда-то прилетело нечто зеленоватого цвета – и ближайшего к нам с Хойтом дрона грязно-синим, обугленным по краям пятном размазало по переборке. Пока я в полном ступоре пялилась на это пятно, вокруг началась страшная суматоха. «Акулы» яростно забулькали. Затем откуда-то сверху спрыгнул огромный черный монстр.

Монстр, напоминающий человекоподобного робота-трансформера – сплошь из гладких блестящих пластин, – стремительно поднял руку, пара пластин сдвинулась, и из кулака вылетел очередной зеленый сгусток. Он полетел в другого дрона подобно самонаводящейся ракете. А дальше я задохнулась от ужаса: тот дрон резко подался к Хойту и одним движением вытолкнул его перед собой, прямо на смерть. Рядом с синим пятном расплылось красное.

Мне показалось, монстр удивился, увидев землянина, – едва заметно дернулся, но остановить выпущенный заряд не смог. Заминка чуть не стоила черному пришельцу жизни: в него чем-то «энергетическим» запустил Третий, за которым я непроизвольно спряталась. Черный ушел с траектории «зеленой» смерти за долю секунды, сгусток лишь мазнул ему по плечу, пластины вспыхнули черным пламенем, словно тьмой, и тот, кто находился под ними, наверняка остался невредим. Видимо, на пришельце скафандр из брони с экранирующими, защитными свойствами.

В ответ в Третьего полетел новый зеленый заряд, грозя размазать нас по стене, как Хойта. Но Третий – мой живой щит – удивил: стремительно развел руки и

растянул энергетическую стену, подобную той, которая защищала блоки станции от «стержня». Оказывается, их страшненькие пористые костюмчики далеко не так просты, как казалось.

И все-таки «зеленый» удар оказался сильным. Третий впечатался в меня, буквально выбив дух, и мы вместе, отлетев к переборке, рухнули на пол. Какой-то толикой сознания я ощутила, как безжизненно упали руки сбитого дрона. Крики, падения, очередные характерные «шмяки»… Похоже, монстр полностью зачистил отсек. А дальше я чуть не захлебнулась в заливавшей меня чужой крови. С трудом повернула голову и, закрыв рот и прищурив глаза, сквозь теплые жутковатые струйки разглядывала, как монстр, сделавший свое черное дело, размеренно зашагал к выходу. Черные ступни издавали едва слышный скрежещущий звук. Меня он под синей окровавленной тушей не заметил. А остановить эту бронированную смерть было больше некому.

Меня трясло от ужаса и отвращения, ведь я буквально с ног до головы пропитывалась голубой кровью. Но вылезти из-под трупа не решалась – лежала, вслушиваясь в крики в коридорах и сходила с ума от ужаса. Наконец я отважилась пошевелиться, опасаясь задохнуться под тяжестью мертвеца или захлебнуться его кровью. Попыталась отодвинуть его, но руки скользили по проклятому иномирному костюму, а может еще по чему-то, о чем даже думать не хотелось.

Я в панике замерла, когда услышала чьи-то крадущиеся шаги. Потом рывок – и мой судорожный вздох: освободилась!

– Таяна, ты жива? – взволнованно спросил Резников, присев рядом и быстро стирая с моего лица кровь.

Я перевалилась на бок, а потом, упираясь ладонями в пол, привстала. Попыталась отдышаться, но в нос ударил тошнотворный запах чужой крови. А при виде развороченных внутренностей гуманоидной «акулы» меня жестко стошнило. Наконец спазмы прекратились, но меня снова чуть не вывернуло наизнанку от кошмарного зрелища еще нескольких подобных трупов.

Резников, тоже оглядевшись, придушенно крякнул.

– Думала, тебя убили! – всхлипнула я от облегчения.

– Где Хойт?

Я махнула рукой на красное пятно и зарыдала:

– Вон… Дрон толкнул его перед собой. Пытался спровоцировать разрыв раньше, чем пульсар достигнет самого… а все равно оба на стенке…

Резников рефлексировать не стал. Вздернул меня на ноги и увлек за собой в коридор:

– Идем в каюту, берем вещи, запасы и валим отсюда.

– Мы не дойдем, – просипела я и чуть не вытерла лицо ладонями, испачканными в голубой крови.

Меня отчаянно трясло: смерть в очередной раз едва не коснулась меня костлявой дланью. А Хойта все же забрала.

– Тай, не важно, дойдем или нет, надо хотя бы попытаться. Нельзя сдаваться, бороться за жизнь надо до последнего. Как мы делали до сих пор.

Синяя форма Резникова в темных пятнах выглядит так же отвратно, как и моя. Светлые волосы всклокочены, на высоком лбу кровоточит глубокая ссадина. Черты лица из-за худобы стали резкими, угловатыми. Покрасневшие, воспаленные глаза придают ему немного безумный вид.

– Ты прав, – злясь на судьбу, выдавила я.

– Я всегда прав, – криво улыбнулся он и ожесточенно добавил: – Эти черные бронированные твари убивают «акул» подряд, похоже, их специально послали уничтожить работающих на станции. Подчистую. Зато, пока здесь идут локальные боевые действия голубых с черными, у нас есть шанс сбежать под шумок.

Больше не теряя времени, мы направились к каютам. Станция, еще час назад работавшая, как говорят земляне, в штатном режиме, походила на

разворошенный улей. Мы не раз замечали черных монстров, прятались от них, где только было возможно, и от дронов теперь тоже скрывались. Те стреляли во все, что двигалось.

Станция вновь вздрогнула настолько сильно, что мы упали, а сверху посыпались фрагменты переборки. Нестерпимо яркий свет сначала погас, напугав в первый момент до чертиков, а потом загорелся, но странным образом. Под потолком побежали мерцающие вспышки. И пока мы пробирались к своим каютам, интенсивность вспышек постепенно нарастала.

Неожиданно Резников – ранее неизменно вежливый человек – грязно выругался. Значит, ситуация стала критической. Плохо наше дело.

– Это то, о чем я думаю? – замирая от страха, прохрипела я.

– Да, похоже на обратный отсчет при самоликвидации, – мрачно подтвердил он.

– Может, плевать на вещи? Давай сразу к спасательным капсулам? – пискнула я в ужасе.

– Без еды и воды мы долго не продержимся на неизвестной планете. С запасами хоть будет время осмотреться. Без сменной одежды эта в лохмотья превратится в считаные дни. И будем мы с тобой как Адам и Ева, только не в райском саду, а скорее в аду.

Дальше нас подгонять не надо было. Мы выбежали к стержню, защитная стена тоже угрожающе мерцала, словно вот-вот исчезнет.

– Черт, черт, черт, – ругался Дмитрий, – если этот специфический реактор рванет, мало никому не покажется!

Вот и коридор, где наши каюты. Мы синхронно нырнули каждый в свою. Первым делом я активировала душ и, содрав грязную одежду, пропитанную кровью, вымылась, впервые порадовавшись вонючей очищающей зеленой жиже и ионному душу. Волосы привычной мягкой волной легли на чистую розоватую кожу. Я собрала их в хвост на макушке магнитной заколкой, чтобы не мешались и не цеплялись. Белье, черная футболка, носки, серые форменные брюки,

ботинки и куртка – все, я оделась. Отправила в рюкзак пару брюк, нижнее белье, чистые футболки, любимый синий свитер с котиком на груди, аптечку, упаковки с едой и водой, тюбики с мылом, расческу, резинки для волос и предметы личной гигиены в пластиковой упаковке. Рюкзак раздулся, но на адреналине я даже веса его не почувствовала.

– Пошли! – крикнул от заклинившей двери Резников. Его заплечная ноша оказалась больше моей.

В последний момент я схватила тонкий белый палантин, расшитый нежными розовыми орхидеями, – последний мамин подарок. Который с тех пор всегда и везде с собой брала. Вот и сейчас завязала его на шее на удачу, пока бежала по коридору за командиром. Ускорявшееся мерцание светодиодов подгоняло нас, заставляя забыть об осторожности.

Мы выскочили на перекресток, прямо навстречу группе дронов. Нас заметили и не оставили даже малейших сомнений в том, что мы для них тоже враги. Я успела метнуться к стене, уходя с траектории выстрела, только палеными волосами запахло – кончики взметнувшегося хвоста пострадали.

А вот Резникова убили: насквозь прошили грудь, даже обугленные тряпки из рюкзака, висевшего на спине, торчали. Смерть командира настолько выбила из реальности, что я замерла, не в силах поверить своим глазам. Судорожно сглотнув горькую слюну, перевела взгляд на убийц моего земляка. На меня вновь направили оружие, но тут за спинами дронов появились черные монстры и отвлекли огонь на себя, позволив мне скрыться. Я с воплем бросилась прочь, петляя по коридорам, словно заяц, и совершенно неожиданно попала в эвакуационный отсек.

Глава 4

В отличие от земных кораблей, эвакуационный отсек станции дронов размерами походил на сейфовый зал крупного галактического банка. Бывала я в одном из таких, когда забирала доставшийся по наследству раритетный велосипед и бронзовое изголовье кровати. Думала – хлам, оказалось – музейная редкость.

Две из четырех вертикальных переборок этого огромного помещения – шлюзовые тоннели. Капсулы с выпуклыми полупрозрачными крышками похожи на земные. Внутри отсека никого – удивительно, ведь станция разрушается, пол постоянно вибрирует, по ушам бьет глухой натужный гул, что-то где-то падает, трещит, скрипит, воет. В общем, признаки близкого конца в натуре.

А уж что в моей душе творилось – не передать словами! События последних лет довели меня до такого состояния, когда остались лишь инстинкты. Доведенная до крайности, затравленная, напуганная до смерти, я чувствовала себя жалким подобием человека.

Вытерев беспрестанно бежавшие слезы, я нервно осмотрелась и, на ходу стаскивая рюкзак, кинулась по платформе к капсуле, расположенной ниже остальных. Встала к ней вплотную – и застонала от бессилия и накрывающей с головой паники. Я понятия не имела, как в нее попасть, а тем более выйти в космос и задать направление к планете. Но, помня наставления Резникова, решила для начала хотя бы открыть.

– Миленькая, хорошая моя, ну откройся, ну пожалуйста! – упрашивала я капсулу, трясущимися пальцами тыкая на все кнопки, панели и выемки подряд.

Я даже пыталась подцепить пальцами створ, чтобы открыть физически, а не при помощи автоматики. Тем временем вспышки, бежавшие под потолком, назойливый гул, ощущение чужого взгляда, словно ты добыча, за которой охотился хищник, доводили до безумия. И я сорвалась: от отчаяния, упав на колени, заколотила по крышке капсулы кулаками, ведь вот оно, спасение, но как попасть внутрь?

В этот момент в отсек прибежали несколько дронов, оглядываясь, словно за ними гнались. Эх, если бы было оружие, я их за Кроу и Резникова… Только размечталась, выглядывая из-за капсулы, следом за ними прилетели зеленые сгустки. Но порадоваться двум синим пятнам не успела – вокруг меня опять боевые действия развернулись. Шестеро «акул» метались по отсеку, отстреливаясь от двух черных преследователей.

Ноя от страха и бессилия, припав плечом к никак не хотевшей оживать капсуле, я судорожно нажимала на все возможное, наверное, в сотый раз пытаясь активировать непослушную железяку. Мои заполошные тыкания прекратились

самым действенным способом: за спиной раздался металлический голос с приказными интонациями. Правда, язык вновь оказался неизвестным.

Очень медленно, чувствуя, как сердце колотится в горле, я обернулась. В лицо уперлась кисть черного монстра, будто рука смерти, одно движение которой – и мне конец. Ведь именно из облаченной в черную броню руки вылетали смертоносные энергопучки, уничтожавшие разумных существ. Перед глазами пронеслась картинка «мясорубки» в отсеке для совещаний. Невольно скосив глаза на слишком близко от моего лица застывшую черную руку, я подтянула рюкзак и выставила его перед собой. Хотя внутренний голос едва не надрывался от злого, обидного смеха: ты сейчас умрешь, рюкзак от подобного оружия не спасет.

Мгновение-другое ничего не происходило, я рискнула поднять глаза на жуткого человекоподобного монстра в пластинчатом… скафандре, наверное. Две руки, две ноги, голова в черном шлеме с гладкой, но не прозрачной маской-экраном. А что там, за этим шлемом? Точнее, кто? Неизвестно.

Лишь я отражаюсь особенно ярко в момент очередной вспышки: сжавшаяся, жалкая, худенькая девушка в серой форме «ботанов» с земного корабля. На макушке блестит заколка, удерживающая растрепанный золотистый хвост. Бледное лицо с большими растерянными серо-голубыми глазами до смерти напуганной, словно чужой мне незнакомки.

Черный пришелец тоже меня разглядывал: я кожей чувствовала и всхлипнула от облегчения, когда его рука дрогнула и опустилась. Снова раздался механический голос, скорее всего спросивший меня о чем-то, а я глупой овцой, не понимающей, о чем речь, таращилась на него, пока наконец не догадалась сказать на языке дронов:

– Простите меня, пожалуйста, я вас не понимаю.

И с криком шарахнулась в сторону – внезапно рядом с нами, словно из ниоткуда, возник еще один монстр. Будто с неба упал, а может, так и есть. Направил на меня руку-оружие, но первый черный резко отвел ее от меня и встал между нами, заслоняя от опасности. Затем что-то буркнул новоприбывшему, повернулся ко мне и неожиданно обратился на дроне:

– Кто ты?

– Таяна Синичкина. Я с планеты Земля, здесь совершенно случайно. – Подтянула повыше рюкзак, прячась за ним, и вымученно добавила, не зная о чем бы еще сказать, чтобы не убили: – Приятно познакомиться.

Монстры приглушенно, коротко переговорили. Затем первый монстр неожиданно шагнул ближе и постучал мне по голове, прямо по макушке. Вскрикнув от боли, я опять дернулась от них, прикрывая голову руками. Заколка контакт с бронированным инопланетянином не выдержала и свалилась на пол, жалобно звякнув, а волосы рассыпались по плечам и спине.

– Ты мак-ка? – спросил монстр, прекратив проверять меня на прочность.

У меня потекли слезы. Больно, обидно, страшно. За что? Может, уже смириться с судьбой – нет мне в этой жизни счастья! – перестать мучиться да отправиться вслед за экипажем корабля?

– Я – человек! И не знаю, что такое мак-ка. Я вообще из другой звездной системы…

Наш разговор прервали еще шесть громадных монстров. Встали вокруг меня грозной черной стеной – жуть! Я невольно придвинулась к первому пришельцу. Он хотя бы не стреляет бездумно и не дал убить меня своему боевому товарищу.

Черное воинство о чем-то едва слышно разговаривало. Наверное, обо мне, а может, ситуацию на станции обсуждали. В конце концов, Вселенная вокруг единственной несчастной землянки не вращается. Увы.

В этот раз станция содрогнулась с такой силой, что даже монстры не удержались: кто упал, кто присел. Разговор ускорился, стал громче – они явно спорили, поскольку «мой» монстр пару раз двинул рукой, как если бы был против. Вдруг он вновь обратился ко мне:

– Что ты здесь делаешь?

Черная поверхность его шлема отразила мои большие глаза, удивленно округлившиеся от глупейшего, по моему мнению, вопроса.

– Пыталась открыть спасательную капсулу и сбежать со станции, – прохрипела я.

– Тебе известен код активации систем жизнеобеспечения и безопасности? – ехидно, как мне показалось, проскрежетал невидимый «собеседник».

По привычке покачав головой, я ответила на дроне:

– Нет. Я была здесь с двумя спутниками, один из них надеялся разблокировать систему и сбежать… но оба сегодня погибли. А у меня не выходит.

По щекам вновь потекли слезы, стоило вспомнить о Кроу, размазанном по стене, о Резникове с развороченной грудью и вмиг опустевшими, мертвыми глазами.

– Повезло, – ровно произнес монстр, изумив до глубины души цинизмом, и пояснил почему: – Если вскрыть капсулу и не ввести код безопасности, вне станции сработает код самоликвидации.

– Очень признательна вам за полезную информацию! – Моему отчаянию не было предела.

Ну вот и все!

Пока мы с монстром выясняли, кто я, его товарищи сноровисто и весьма ловко вскрыли капсулы, а потом под моим ошарашенным взглядом начали буквально выдирать из них всю начинку. Зачем? Ведь без систем жизнеобеспечения в капсуле невозможно дышать?!

Очередной хлопок – и нас подбросило на десяток сантиметров, затем пол сильно накренился. Черные вандалы заработали быстрее. От них отлетали, крошились, сыпались панели, баллоны, кабели… Оставили, насколько я поняла, лишь систему навигации, крепления и ложемент.

Я вскрикнула, когда отключилась гравитация и все начали медленно подниматься вверх. А в следующее мгновение – вернулись на пол. Снова глухие отрывистые переговоры. Затем монстры полезли в капсулы, а я осталась сидеть на полу, зачем-то прижимая к боку многострадальный, уже совершенно не нужный рюкзак. Обреченно глотала слезы и тоскливо смотрела на улетающих пришельцев. Мне ясно дали понять, что сбежать на нормальной капсуле не удастся. Кода не знаю – значит, меня просто разнесет вне станции вместе со спасательным средством. А если выдрать из капсулы все жизнеобеспечивающее оборудование, даже баллоны с воздухом, то чем же я буду дышать? И скафандр вряд ли найду, прежде чем станция окончательно развалится.

«Мой» монстр на секунду замер рядом со мной, словно о чем-то задумался. Затем легко поставил меня на ноги и навел руку. Я в ужасе зажмурилась, но, кажется, он только просканировал – у своих ног заметила луч, исчезнувший в черной кисти. Прямо не скафандр, а многофункциональное устройство на все случаи жизни.

– Рот открой! – приказал он.

В полной растерянности я послушно открыла рот – меня месяц «акулы» изучали, успели выдрессировать, – пришелец заглянул туда и еще посмотрел за ушами. Неужели на предмет скрытых достоинств? Затем он закинул мой рюкзак в пустующую капсулу, а после изумил до крайности. Спереди пластины на нем начали расходиться в стороны, открывая вид на вполне себе человеческую, причем высокую, поджарую, мужскую фигуру в сером белье, подобном тому, которое любители зимних видов спорта носят.

– Иди ко мне, быстро! – новый приказ.

Я выполнила, завороженно наблюдая за раскрывающимися створками иномирного скафандра. За высокотехнологичной броней оказался – человек. Наверное. Во всяком случае, лицо у него привычное, только более вытянутое, кожа смуглая, глаза выпуклые, раскосые, почти человеческие, с белками, а вместо радужки и зрачка – черные снежинки. Потрясающе! У меня даже рот непроизвольно приоткрылся от удивления и дыхание перехватило. Почти землянин!

Задержка немонстру не понравилась – он схватил меня за руку и притянул к себе. Широкими ладонями прошелся по моему телу, размещая ноги в скафандре с внешней стороны от своих. Видимо, чтобы я ему сгибать колени не мешала. Мои руки он вытянул вдоль своего тела. Теперь мы походили на толстенький бутерброд: я упиралась ему в грудь лицом, интимно обнимая за бедра.

Пластинки начали смыкаться, отрезая нас от внешнего пространства, но в этот момент гравитация вновь отключилась. Мы начали подниматься под мой писк, но иномирец схватился за поручень капсулы. Наконец прозвучал короткий сигнал – скафандр загерметизировался. Через пару секунд я ощутила, что мы перешли в другую плоскость – лежали, потому что мои колени чуть прогнулись и тело распласталось по мужскому.

– Подними лицо ко мне, дышать будет легче.

Я выполнила очередной приказ и увидела голубоватый свет от визора на внутренней поверхности шлема и подбородок моего таинственного спасителя. А он что-то делал руками вне моей видимости. Кажется, пристегнул нас. Затем давление на мою спину увеличилось, еще больше расплющивая меня по мужскому телу. Началась вибрация. По ощущениям, мы полетели на выход. От страха я крепче вцепилась пальцами в его бедра, а носом уткнулась ему в ложбинку у шеи.

– Спокойно. Все идет нормально, – предупредил спаситель. Потом дополнительно сообщил, видимо, не дождавшись от меня требуемого спокойствия: – Дрифтер рассчитан на выход в космос. Капсула нужна на всякий случай, Полярная слишком близко, может затянуть.

– Полярная – это та красивая планета?

– Да.

– Спасибо большое, что забрали меня, – прошептала я.

Рывок – капсула покинула штольню. Ощущение невесомости, и только крепления удерживают нас от парения.

– Спокойно, все в порядке. – Оказывается я тоненько пищала от страха и прекратила, когда услышала уверенный мужской голос: – Дыши ровно.

Несколько раз глубоко вдохнув, я вновь повторила, не в силах справиться с эмоциями:

– Спасибо большое, что взяли с собой!

– Я слышал.

Только сейчас, ощущая теплое тело незнакомца своим, обнимая крепкие мускулистые бедра, вдыхая терпкий, яркий после тяжелой работы запах, но при этом необыкновенно приятный, я осознала: вновь не одна и жива! До сих пор и вопреки всему!

Почувствовав себя в безопасности, я расслабилась и словно растеклась по сильному мужскому телу. Лежала в тишине, слушая стук сердца таинственного пришельца, пропитываясь его запахом, абсолютной уверенностью и, как мне показалось, «запечатлевалась»…

Но, спустя какое-то время, я отринула эти дурацкие мысли, решив, что думала так на радостях, в эйфории. Меня спасли, но что ждет дальше?

Глава 5

– Мы летим на… Полярную? – прошептала я на дроне.

– Нет, нас скоро подберут, – коверкая слова, спокойно ответил незнакомец, с которым мы теперь ближе некуда, в смысле скафандр-дрифтер делим.

Я открыла рот задать сотню вопросов, крутившихся в голове, но в этот момент в шлеме прозвучало сразу несколько голосов на языке, на котором ко мне обращался в первый раз уже-не-монстр. Причем звучал он более привычно для уха и произношения, а для меня – словно музыка. Помолчав секунду-другую, мой спасатель ответил вышедшим на связь товарищам жестким тоном. Кажется,

поступившие сообщения пришлись ему не по нраву. Еще через минуту переговоров в голосе мужчины прорезался металл, его мускулистая грудь подо мной словно окаменела. Далее последовало несколько эмоциональных фраз, затем, судя по императиву, он отдал приказ кому-то и выругался.

В следующий момент наша капсула содрогнулась, рывок – и меня чуть не расплющило по спасателю. Дальше нас закрутило-завертело, судя по ощущениям. К горлу подступила тошнота, и, чтобы удержать содержимое желудка, я глубоко, размеренно дышала, уткнувшись ему в шею. А когда по капсуле застучали, наверное, обломки разорвавшейся станции, не до тошноты стало – я заорала от ужаса.

– Замолчи! – рыкнул мужчина, мгновенно прекратив «панику на корабле», и более спокойно пояснил: – Шиль – мощный энергоресурс, дроны используют его для питания станций и кораблей. При распаде он одномоментно поглощает все объекты в непосредственной близости. О присутствии у Полярной дронов больше ничего не напоминает. В капсулу попали мелкие осколки, разгерметизация нам не грозит. От короткого излучения шиля капсула защитила. Все штатно. Нет причин для страха.

Тревожную тишину в скафандре, нарушаемую моим тяжелым дыханием, вскоре прервал очередной доклад. Невидимый собеседник наверняка еще сильнее озаботил моего спасителя: его ответ прозвучал сквозь зубы, четко и коротко. Видимо, он отдал приказ, подчиненные отчитались. Дальше опять молчание. Мужчина поднял руки и, похоже, быстро настраивал оставшееся в капсуле оборудование. Я опасалась мешать и отвлекать, но нервы не выдержали:

– Вас из-за меня не хотят подбирать?

Старалась говорить спокойно, но от страха выдала себя с головой.

Суровый иномирец молчал. Потом глубоко вдохнул, плавно приподняв меня грудью, и выдохнул:

– Дело не в вас. – Еще помолчал и ответил обстоятельно: – Дроны активировали самоуничтожение станции раньше, чем мы рассчитывали. И не все успели перебраться на другую эвакуационную платформу, где нас ждал корабль. Поэтому пришлось выходить на ближайшей. Мы близко от Полярной, а взрыв

шиля слишком сильно отдалил нас от места сбора…

– Мы падаем? На планету? – уточнила уже очевидное.

У самой же сердце в пятки ушло.

– Да. Все в порядке, ситуация штатная, причин для страха нет, – опять попытался успокоить меня в своей профессиональной манере инопланетянин.

Нервно усмехнувшись, я позволила себе немного иронии:

– Мне даже представить страшно, как выглядит у вас внештатная ситуация.

– Вы! Вы – наша внештатная ситуация, – в мужском голосе отчетливо слышалась ответная ирония.

Я напряглась, ожидая упреков. Чувствовала открытой кожей дыхание чужака и особенно остро ощущала его мощное тело под собой. Обнимала чужака, будто самое близкое существо, будто последнюю возможность выжить держала в руках. Собрав порядком растерянную храбрость, которой и раньше не отличалась, я отважилась познакомиться:

– Меня зовут Таяна. Имя рода, или, как у нас называют, фамилия – Синичкина. Вы можете обращаться ко мне просто Таяна. А как можно обращаться к вам?

Мужчина заворочался – он наверняка работал с навигатором – и, выполнив первостепенную задачу, ответил:

– Джар. Это мое имя. Ты можешь обращаться ко мне – Джар.

Мысленно повторила его имя; мне оно понравилось: резкое, мужественное, лаконичное. Думаю, имя как нельзя лучше отражает характер. Но выпалить следующий вопрос не успела.

– Таяна, что ты делала на станции дронов?

Я вкратце рассказала о миссии «Звездный веер» и чем сама занималась в составе исследовательской группы, о беде, случившейся с кораблем, и о том, как нас подобрали инопланетяне. Закончила рассказ словами:

– Мы сначала думали: дроны нас спасли из гуманных соображений. А позже выяснилось, что нас изучали и сравнивали с неизвестными землянам рантами.

– Насколько вы похожи? – заинтересовался Джар.

Я нервничала, не знала, правильно ли поступаю, честно рассказывая о злоключениях в космосе и «в гостях». Но делать нечего, вряд ли себе помогу, что-то утаивая, вот и призналась:

– Мы не идентичны, но различия минимальные. Думаю, мы совместимы.

– Уверен в этом, – неожиданно легко согласился Джар, поерзав подо мной.

– На чем основана ваша уверенность? – засомневалась я.

– Мы ранты, – ошарашил он меня.

– Да-а-а?

– Мой ран среагировал на ваш запах и проявился. Значит, мы абсолютно совместимы.

Услышав загадочную фразу, я насторожилась:

– Что такое ран? И каким образом он проявляется?

Мужчина усмехнулся, под моей щекой дернулась его грудь.

– Наше обоняние очень восприимчиво. Благодаря этому мужчина распознает подходящую ему женщину, с которой у него лучшая совместимость и высокая вероятность получения потомства. Запах такой женщины запускает процесс воспроизводства спор, которые содержат генетический материал для

смешивания его с женским. Ран производит и аккумулирует споры. Через та-ран они попадают в чрево женщины во время слияния.

Продравшись через трудности перевода, я разобралась, что ран – мошонка, а та-ран – мысленно захихикала, услышав, как это слово звучит на ранте, – обыкновенный член. Хотя, может быть у них та-раны как раз не обычные, а с какими-нибудь сюрпризами. Споры… может, это семя? И все-таки я испугалась:

– А что значит «проявился»? И чем это мне грозит?

Мне почудилось, что Джар улыбнулся: дрогнули подбородок, кадык и слегка натянулась на шее кожа.

– Для меня ты невероятно сильно и привлекательно пахнешь – значит, мы отлично подходим друг другу. Совместимы. Мое тело это почувствовало. Когда ран готовится к обмену спорами, набухает и… беспокоит. Если переместишься немного ниже, то почувствуешь, что та-ран тоже отреагировал на потребность рана в обмене и слиянии.

По-русски говоря, у Джара встал, и он откровенно хочет. Я запаниковала:

– Я не хочу слияния!

– Таяна, успокойся. Это физиология, ничего больше. Тебе ничего не грозит. Ранты чтят право личного выбора.

– Спасибо, – выдохнула я, расслабляясь, и озвучила любопытную мысль: – Ваш вид, по-человечески раса, называется рант. Это понятие имеет какое-то отношение к рану?

– Относительное. Ран имеет несколько значений: мужественный, мужской, иногда множественный и умножающий. Слово «рант» на другие языки переводится как «большой муж». А ранты – большие мужи.

– Спасибо за информацию, – порадовалась я, ведь если делится чем-то о себе, возможно, не бросит сразу.

– В этой экспедиции ты была со своим мужчиной? – неожиданно спросил Джар.

– Нет, – грустно ответила я.

– Дома, на Земле, тебя ждут?

– Нет. Я решила участвовать в миссии только потому, что все мои родные и близкие погибли в аварии. Я круглая сирота.

– Сколько тебе лет и как долго вы живете?

– В среднем сто двадцать. Мне двадцать три, – быстро ответила и сразу вклинила свой вопрос, а то все он и он расспрашивает: – А вы сколько?

– Мы совместимые виды. Если наше время соответствует вашему, то, вероятно, живем одинаково.

Затем я сказала о часах-хронометре, продолжительности земного года, месяца, дня, часа и привела краткие сведения из астрономии и географии родной планеты.

Джар внимательно слушал, видимо, заинтересовался. Я между делом решила выяснить, с кем меня спутали:

– А что такое мак-ка?

Узнать не успела. Началась сильная вибрация, визор шлема раскрасился огненными сполохами.

– Закрой глаза, – приказал Джар. – Не открывай рот и не разговаривай. Будет сильная тряска. Ничего не бойся, дрифт рассчитан на большие перегрузки.

Не знаю, на что именно рассчитан суперскафандр рантов, но трясло нас основательно. Я боялась потерять зубы. И задохнуться боялась, потому что Джар прижимал меня к себе поверх дрифта и креплений руками. Мало того, еще и температура поднялась. Казалось, мы запечемся, как в духовке. Затем стало прохладнее, а потом нас бросило вверх, отчего я между ног почувствовала тот

самый выдающийся та-ран, наверное. Через несколько минут падения капсула загрохотала, подпрыгивая на камнях, опять-таки наверное. А там… кто ее знает, эту из космоса красивую, но опасную Полярную. Если бы не защита дрифтера и Джара, меня бы точно размазало по капсуле.

Наконец, оказавшееся вполне надежным, спасательное средство замерло, напоследок обо что-то стукнувшись. Несколько секунд мы приходили в себя, затем Джар произвел невидимые мне манипуляции, о которых догадалась по движению его рук. Затем со свистом отъехала крышка капсулы, за ней начал раскрываться дрифтер.

Повеяло горячим ветром, напоенным ароматами трав, нагретых камней и еще десятком других запахов, в том числе оплавленного металла и отработанного топлива.

– Надо выбираться, – спокойно сказал Джар.

Я послушно оторвалась от его тела и уселась… ой, прямо на нем. Правда, ощутив ягодицами выступающий та-ран, поспешила отстраниться. Выбираться из капсулы мне пришлось сцепив зубы, чтобы не застонать от боли в затекших, долго зажатых конечностях. Плюс перегрузка.

Как только я неуклюже вылезла на свет Полярной, Джар восстановил герметичность дрифта. Через несколько секунд рядом со мной высилась знакомая монстроподобная черная фигура. Затем шлем распался на отдельные элементы и те скрылись в пазухах вокруг шеи и плеч. Теперь мне ничего не мешало внимательно рассмотреть лицо инопланетянина.

Жгучий брюнет с короткими волосами, взмокшими от пота, облепившими высокий лоб и виски. Более вытянутое, чем у землян, но не узкое, довольно симпатичное лицо с высокими скулами. Брови вразлет, глаза большие, раскосые, самую малость выпуклые – очень выразительные. Невероятное сочетание зрачка и радужки, похожее на черную снежинку, только добавляет яркости образу ранта.

Джар моргнул, затем посмотрел на меня, зрачок начал стремительно расширяться – все черные лучики и черточки становились более «пушистыми», снежинковыми. Невероятно увлекательное действо!

– Наши виды на удивление похожи, – рант высказал и мои мысли.

Я облизала пересохшие губы и невольно посмотрела на нижнюю часть его лица. Тоже ничего особенного, губы как губы, и стоило им дрогнуть в улыбке, я перевела дух, увидев обычные белые зубы.

– Да, это удивительно, – согласилась я, смутившись под его пристальным, изучающим взглядом, и отвела глаза.

Тревожно посмотрела вокруг.

В голубоватом небе висят два спутника и далекое оранжевое светило, которое немилосердно жарит. Наша капсула с оплавленными турбинами лежит на узкой площадке, уткнувшись в каменный барьер у самого края горного плато. До горизонта простираются горы, частично поросшие лесом, между ними зеленеют долины. Это хорошо. Воздух, растительность и даже горы радуют после безмолвных просторов космоса, закрытых пространств и особенно после коварных черных дыр. Если меня здесь оставят одну, вероятность выжить все-таки есть.

Джар подошел к проему между каменными глыбами и, глянув вниз, присвистнул. Еще бы, за спасительным барьером – скалистый обрыв. Повезло нам: площадка, где мы приземлились, с одной стороны ограничена отвесной стеной, с двух других – глыбами. Спустились мы сюда по широкой каменной тропе. Видимо капсула рухнула и проехалась вниз, оставив свежий черный тормозной след.

Я вытащила из капсулы рюкзак и прижала его к груди. Вроде вот они – свобода и спасение! Но что делать дальше? Не знаю. Тем временем Джар, как говорили наши военные на корабле, спокойно изучал обстановку. Вдруг мирный пейзаж нарушил гудящий звук. В следующий миг, обернувшись на шум, я увидела в небе большой, с огненным «хвостом», стремительно рассекающий воздух объект. Потом громыхнуло – и по нашему тормозному пути стремительно понеслась еще одна капсула.

– Шак, – выругался Джар, тревожно оглядываясь, видимо, соображая, как остановить капсулу, чтобы не вылетела с площадки в проем между глыбами.

Я откинула рюкзак с криком:

– Надо капсулой перекрыть проем!

Мы уперлись руками в наше спасательное средство. Признаться, двигал его исключительно Джар усилиями своего умного «костюмчика». У меня силенок кот наплакал. Потом он успел, схватив меня в охапку, отскочить от капсулы в последний момент перед столкновением. Дым рассеялся, и по довольному виду Джара, подбежавшего обратно, я поняла: все в порядке. Или, как говорят все космонавты, в штатном режиме.

Через минуту рядом с капсулами стояли двое рантов. Затем незнакомый убрал шлем, обернулся и внимательно посмотрел на меня, а я на него. Но второго – тоже смуглого, черноглазого брюнета с более узким, чем у Джара, лицом – я сочла менее привлекательным.

– Меня зовут Таяна Синичкина, приятно познакомиться. Вы можете…

– В дрифтах общая связь, большую часть вашей истории мы слышали, – бесцеремонно прервал меня второй рант на дроне. Еще пару секунд поглазел и представился: – Зови меня Илэр.

Я чувствовала себя неловко, ведь рассказывала Джару свою историю, не сдерживая эмоций, как единственному из воинственных пришельцев, рискнувшему спасти иномирянку, а слушали, оказывается, все. И наверняка не только восемь десантников, но и все на корабле, который не успел их подобрать. С другой стороны, если хорошенько подумать, глупо обижаться на рантов. Наши бы так же поступили с представителем нового вида и носителем информации. Подобное нельзя скрывать.

– Уходим, надо выбраться на плато, осмотреться и включить ирс, – приказал Джар. – Илэр, забери из капсулы спасательный запас.

В надежде, что приказ касался и меня, я подобрала рюкзак и приготовилась. Ранты ловко вскрыли отсек с запасами, где лежало по пять упаковок с водой и пищевыми брикетами. Аптечки и поисковый маячок они сразу уничтожили. Сунув блоки с продзапасом, упакованным в специальные сумки, под мышки, оба направились вверх. Я не выдержала, метнулась за Джаром и, стараясь не

разрыдаться, попросила:

– Можно мне с тобой? – Ответом был хмурый взгляд. Я начала торопливо упрашивать: – Хотя бы недолго, мне бы осмотреться и немного привыкнуть к окружающей обстановке. Понять, где нахожусь и как здесь дальше можно… жить… устроиться. И хоть узнать, кто здесь живет и…

– Таяна, ты…

Услышав строгий голос Джара, подумала, что сейчас он меня окончательно пошлет куда подальше, ведь и так сделал больше, чем можно было бы ожидать. Поэтому срывающимся голосом взмолилась:

– Я клянусь: не стану обузой, вы на меня даже внимания не обращайте, просто немного с вами рядом побуду. Осмотрюсь и…

Джар резко поднял руку, останавливая меня, заставляя смириться с полным провалом и замолчать, но буквально потряс:

– Я не собирался тебя бросать, хотел осмотреть плато, наверху может быть опасно и подниматься тяжело.

Вникнув в его корявый дрон – опасалась, что приняла желаемое за действительное, – я чуть не разрыдалась от радости. И с облегчением выдохнула:

– Спасибо! Спасибо огромное! Но можно мне с тобой? Здесь страшно… без тебя.

– Пойдем, – согласился он.

Я прижала рюкзак к груди, в пару шагов догнала их и дрожащим голоском, срывающимся от эмоций, поблагодарила еще раз:

– Спасибо, что позволили побыть с вами. Я обещаю, вам не придется на меня отвлекаться и… и не буду обузой. Я… я… хотя бы осмотрюсь и…

И замолчала, пытаясь подобрать правильные слова. Видимо, Джар не выдержал моего сбивчивого лепета, блестящих от слез глаз и дрожащих губ. Подошел вплотную. Заставил поднять голову и посмотреть ему в глаза, удивительные, самые прекрасные в мире глаза, и заверил:

– Успокойся! Мы не бросим тебя здесь. Ты женщина, быть слабой тебе можно. Когда нас найдут и заберут, ты полетишь с нами на Рант. Поняла?

Я попыталась благодарно улыбнуться, но смогла лишь кивнуть и неуверенно пробормотать:

– Мне позволят прибыть… жить на вашем Ранте?

– Да, – твердо ответил Джар и коснулся моих рассыпавшихся по плечам волос жуткой рукой, стрелявшей смертельными пульсарами.

– Не бойся, Таяна, – поддержал соотечественника Илэр. – Представитель неизвестного вида будет интересен нашему руководству.

Вспомнив повышенный, не столько исследовательский, сколько напоминающий потребительский, интерес дронов к землянам, словно мы были подопытными животными, я содрогнулась. Наверное, страх и отвращение слишком ярко отразились на моем лице – Джар неожиданно заявил:

– Я обещаю позаботиться о тебе и на Ранте. Беру ответственность за тебя.

Вот это да! Спасший меня мужчина решил проявить участие в моей дальнейшей судьбе!

Илэр, хмыкнув, что-то недовольно произнес на своем языке. Джар ответил жестко. Испугавшись, что они ссорятся из-за меня, вернее, по поводу обещания Джара, поспешила предупредить:

– Если забота обо мне ухудшит твое положение дома или среди сородичей или повредит твоей репутации, или отношениям с родными, или… твоей женщиной. Или…

– Командиру ответственность ничем не повредит, – не дал договорить мне Илэр. – Женщины у него нет, иначе его здесь не было бы. Обязательство перед тобой лишь уменьшит его счет и даст возможность влиять на твои решения. Не более.

Да плевать мне, как Джар сможет влиять в будущем на мои решения, главное – сейчас не бросит на совершенно незнакомой планете. Я всхлипнула от облегчения, осторожно взяла его за руку, опять же презрев любые опасности, ведь у меня теперь опекун ого-го-го. Потрогала холодные черные пластинки дрифта и торжественно пообещала:

– Я от всего сердца признательна тебе за опеку. Я постараюсь не быть обузой и по возможности отплатить…

– Таяна, опека над женщиной для мужчины естественна и оплаты не требует, – категорично заявил Джар.

Илэр смотрел на меня с горячим нескрываемым любопытством, пока мой новоявленный опекун не заметил. Его реакция проявилась сжавшейся снежинкой зрачка и коротким приказом:

– Вперед!

Мы бодро направились вверх по каменной тропе.

Глава 6

За рантами я шла, внимательно глядя себе под ноги, – местность неровная, каменистая, с ямами и трещинами. Не хватало оступиться или попасть куда-нибудь – перелом обеспечен. А мне совсем нельзя быть обузой!

В суровом месте мы высадились. Кругом раскаленные серые глыбы, над которыми дрожал перегретый воздух. На станции я постоянно мерзла, приходилось любимый свитер под форму надевать, а сейчас покрылась испариной, капельки пота текли по вискам. Тяжеленный рюкзак за спиной и

растрепанная грива волос добавляли мучений.

Космодесантники, в отличие от меня, шагали легко и непринужденно, закинув за плечо сумки с продзапасом. Будто бы по ровным дорожкам тенистого парка гуляли. Конечно, им хорошо, у них в дрифтах терморегуляция работает, в чем лично убедилась, и ноша меньше моей весит. Эх, промокну я к концу пути от пота и провоняю. Знать бы еще, когда он будет, этот конец. Бедные ранты-иномирцы с обостренным обонянием, о котором они столько интересного рассказали. Сражу их наповал.

Я уже собиралась просить неутомимых спутников остановиться, чтобы убрать волосы в косу, как Джар обернулся и, взглянув на меня, неожиданно сообщил:

– Я поднял твое головное украшение и положил в боковой отсек багажа.

– Спасибо! – обрадовалась я и полезла проверять кармашки рюкзака.

Нашла заколку и, быстро закрепив волосы на макушке, облегченно выдохнула: фу-ух, полегчало – ветер слегка охладил взмокшую шею. Сразу вспомнила, как «потеряла» заколку. Посмотрела на ожидающего меня Джара и спросила, о чем не успела узнать в капсуле:

– Кто такие мак-ки? И почему ты решил, что я одна из них?

– Мак-ки – изобретение дронов. Несколько лет назад они создали нашу автоматизированную копию для экспериментов.

– Создали подобные рантам механизмы? – уточнила я.

– Да. Потом дроны нарастили на корпус таких машин биологическую плоть, сделав их максимально схожими с живыми прототипами, то есть с нами.

– У нас искусственных людей раньше называли биороботами. Но впоследствии приняли закон о запрете внешнего сходства машин с людьми.

– Это хорошо, правильно сделали, – присоединился к разговору Илэр. – В дальнейшем дроны начали использовать мак-ков в качестве оружия против

рантов.

– Каким образом? Можете рассказать? – заинтересовалась я.

Иномирцы посмотрели на меня снисходительно, даже с едва заметными улыбками. Джар продолжил рассказ:

– Очень просто. Ранты никогда не бросают своих в беде. Поэтому, встретив рантоподобного, мы первое время попадали в ловушку. Подбирали в космосе якобы потерпевших крушение соотечественников, оказывавшихся мак-ками, отбивали у дронов псевдопленных, находили их на наших объектах по переработке полезных ископаемых. Затем искусственно созданные игрушки дронов убивали своих «соплеменников», подрывали корабли, на которые их эвакуировали. Много различных происшествий было, пока мы не выяснили причину.

Я вспомнила несчастного Хойта Кроу в тот момент, когда черный монстр выстрелил в дрона, но, заметив землянина, рефлекторно дернулся в попытке остановить пульсар. Видимо, принял за своего. И сам чуть не погиб. Теперь понятно почему.

– Скажите, я похожа на женщину-ранта? – мой голос дрожал. Выходит, была на волосок от гибели! Могли принять за биоробота и уничтожить!

В этот раз ответил Илэр:

– Ты слишком белокожая, Таяна, ранты темные. У нас не бывает таких светлых волос, блестящих в лучах светила, и глаз, меняющих цвет от голубого до серого. Ты очень красивая, словно выдуманная.

Опять продравшись сквозь трудности перевода, я сделала вывод, что, по меркам рантов, сказочно хороша, хоть и необычного фенотипа. Как любая женщина мысленно порадовалась. И смущенно прошептала:

– Спасибо. – Подумала, как бы корректнее выяснить, и спросила: – Джар, зачем ты мне по голове… стучал? Проверял: мак-ка или нет?

Выражение лица у него неожиданно стало виноватым.

– Мак-ки снаряжены причинять наибольший урон рантам. В пасти вживляют скрытые челюсти, травмирующие лица врагов. Ядовитые иглы. В телах взрыватели, колющее оружие, которое сложно обнаружить, но при близком контакте оно резко выдвигается и ранит внутренние органы «врагов». На голове у мак-ков расположен управляющий элемент. При силовом воздействии на него происходят сбои или различные сюрпризы, по которым сразу определяют искусственное создание. Сами дроны пока этот дефект не выявили, а мы пользуемся элементарным способом опознавания.

– Но… – я хотела предупредить, насколько опасно стучать по роботу, способному устроить взрыв или выдвинуть запасную челюсть.

– Дрифт защитил бы, – понятливо усмехнулся Джар. – Зато я быстро проверил, что ты не новый вид мак-ков. Не новейшая разработка дронов.

– Нас тщательно исследовали и, вероятно, в будущем могли как-нибудь использовать именно в этом направлении, – тихо, удрученно признала я.

Дроны нас не спасли, а просто захватили слабых и беззащитных. Судьба порой слишком жестока.

– Может быть, – согласились мужчины.

У меня назрел серьезный вопрос:

– А почему вы воюете с дронами?

Подъем стал круче, и я начала пыхтеть, прикладывая больше усилий. Не дай бог – отстану. Вдруг бросят. Но оба ранта, заметив мое состояние, замедлили скорость, за что я была им благодарна. Мало того, Джар поравнялся со мной и пошел рядом, отвечая:

– Ранты не столь многочисленный вид, как дроны, но технологически не менее развитый. В нашей системе две населенные планеты, причем вторая – Лешка – исконная родина лешек. Это дружественная нам раса, которая проживает и на

Ранте. Мы их «открыли» и нашли немало возможностей для взаимодействия. Выгода обоим видам. Ранты исследовали несколько соседних планетарных и звездных систем, но столкнулись с дронами. Эти разумные сочли нас менее развитыми и, по их мнению, низшими. Подходящим для использования объектом, но не слишком ценным. Рант и Лешку назвали прекрасной кормовой базой. Война длилась несколько дней, в ходе боевых действий мы разбили их флот и отогнали от своих границ. Успешно показали, что они совершенно не правы, подобным образом рассуждая о нашем развитии и техническом прогрессе. Теперь между нами редкие столкновения.

– Значит, Рант рядом? – воскликнула я.

– Нет, – криво усмехнулся Илэр. – Полярную открыли и начали исследовать ранты. Следом явились дроны и пытаются заселить ее. Но у них не выходит.

– Почему? – удивилась я. – При их технологиях и…

– Полярная обладает неординарными свойствами. Она испускает необычное излучение, которое полярно любому другому, поэтому получила свое название. Мы пока не выяснили, почему ее атмосфера не пропускает сигналы. Здесь, на поверхности, искажаются почти все сигналы. Живым организмам вреда не причиняет – проверено, а любая высокотехнологичная техника довольно быстро «умирает». Будто планета живая и разрушает искусственно созданные, неживые объекты.

– Как же нас найдут? – испугалась я.

В этот раз мне гораздо обходительнее, чем его товарищ, пояснил Джар:

– Ирс поможет. Обязательно. Ирс предназначен для местности, подобной Полярной. Этот прибор посылает коротковолновый сигнал. Уловить его можно, находясь поблизости. Придется подождать, пока поисковая группа доберется до нашего квадрата.

– Как повезет: могут через час подобрать, если точно траекторию падения капсул рассчитают, а могут – спустя несколько дней, – почти на позитиве добавил Илэр, сверкнув в мою сторону необычным «снежным» глазом.

Показалось, он флиртует со мной, чем только ставит в неудобное положение. Там, на станции, все, кроме Джара, готовы были убить меня, не разбираясь: мак-ку или неизвестно откуда взявшуюся среди врагов инопланетянку. Сейчас тоже заметила, что опекун разговаривает мягче, а Илэр бьет в лоб, не жалея моих чувств. Хотя, конечно, наши военные тоже те еще «любезники». За пару лет в пути познакомилась с некоторыми чертами их характера. В конце концов, военные и в ночном клубе военные.

Стало нестерпимо жарко, и я решила снять куртку и остаться в футболке. Но как раздеться с рюкзаком за спиной? Пришлось попросить:

– Джар, давайте на секундочку остановимся.

– Зачем? – спокойно отозвался он.

Оба мужчины замерли, с любопытством глядя на меня.

– Жарко в куртке, хочу снять и в рюкзак положить.

Я быстро сняла рюкзак и вжикнула молнией вдоль полочек куртки. Потом торопливо развязала палантин на шее и вместе с курткой, сложив валиками, затолкала в рюкзак. Сунула руки в лямки и заодно проверила, не промокла ли футболка от пота, еще и принюхалась, а то вдруг пахну плохо. Убедившись, что одежда в порядке, подняла глаза на спутников и оторопела: зрачки-снежинки у обоих расширились настолько, что чернота почти затопила глаза; ноздри жадно раздувались, вдыхая мой запах. Никаких сомнений – мужчины в возбужденном состоянии неотрывно, потрясенно таращились на мою грудь!

Я осмотрела скромную черную футболку с короткими рукавами, свободную, с вырезом, открывающим шею, и бюст не слишком обтягивающую. Хотя моя упругая округлая грудь все равно выпирала и похудела не особенно. Подняв глаза на чересчур засмотревшихся на меня мужчин, испуганно спросила:

– Что-то не так? У вас неприлично носить подобную одежду? Или…

Наконец Джар неохотно оторвал взгляд от моей груди и, прокашлявшись, задал неожиданный вопрос:

– У всех женщин Земли большая грудь?

Теперь я вытаращилась на рантов, попав в тупик. Потом, чувствуя, как краснею от стыда, хрипло уточнила:

– А у ваших женщин нет груди? У меня средний размер, такой у многих землянок. И гораздо больше есть.

Ответил Илэр, потому что Джар явно не успел подобрать слова:

– Есть, конечно. Просто грудь раза в два меньше. Даже у женщин с большим размером.

Неужели у них самый большой – это наш «А»? Они поголовно плоские? Я невольно перекинула волосы на грудь, прикрываясь, а то ранты пялились на меня, как на выдающийся экспонат на выставке неформального искусства. И расстроенно вздохнула:

– Значит, я ужасно выгляжу, по вашим меркам?

Джар лишь махнул рукой, словно отметая мое предположение, а Илэр не скромничал:

– Наоборот. Слишком… привлекательно. Так горячо, даже ран болит.

Услышав про ран от пристально разглядывающего меня Илэра, я торопливо встала рядом с Джаром и срывающимся голосом попросила:

– Меня же никто не тронет? Лучше я оденусь.

И начала снимать рюкзак, но Джар осторожно придержал мою руку своей бронированной:

– Перегреешься! Не бойся. Ты под моей опекой. – Не удержался и снова посмотрел на мою грудь, яростно вдохнул, а потом добавил, отводя взгляд: – У рантан грудь небольшая, а у лешек немного поменьше твоей. Не беспокойся, никого особенно не удивишь, но внимание, Илэр прав, привлечешь однозначно.

– Вы уже который раз упоминаете лешек, они похожи на… нас? Совместимы с вами? – осторожно спросила я, решив сменить скользкую тему на более безопасную.

– Нам надо идти дальше, – резко отозвался Джар, подхватив меня под локоть и вынуждая двигаться.

А вот Илэр, озадаченно покосившись на товарища, решил ответить:

– Внешне похожи, но у них серого цвета кожа и волосы. Из-за этого городские квадраты, где лешки проживают, называют серыми. У нас с ними полное взаимопонимание и взаимодействие. Специфический симбиоз. Они наравне с рантами занимают ведущие должности или рабочие места. Физически мы совместимы частично. Но лешки другие. И потомства от них не получить. Лишь удовольствие…

– Только после этого удовольствия дня три ты – как труп или пустая оболочка, – проворчал Джар; видимо, из личного опыта знает.

– В каком смысле частично совместимы? – любопытствовала я на радостях, что не только меня расспрашивают, но и сами рассказывают о своем мироустройстве.

Снова ответил Илэр, бросив на меня провокационный взгляд:

– Скажем так, технически мы совместимы, чтобы получить обоюдное физическое удовольствие при слиянии. Но в процессе у рантов-мужчин участвует только та-ран, а ран спит. Запах и физиология лешек не подходят рантам. И общее потомство мы иметь не можем.

– Потомство завести невозможно, запах не устраивает, три дня как трупы – зачем вам тогда подобные связи? – недоумевала я.

За разговорами мы добрались до большой каменной преграды, которая уступами уходила вверх по плато.

– У нас нарушен баланс: женщин рождается меньше, чем мужчин. Женщины-лешки по-своему хороши, невероятно чувственны и всегда готовы к сексуальному контакту с рантом, – поделился Илэр.

Я даже споткнулась. Сделала несколько шагов и переспросила:

– Всегда? На добровольной основе?

– Лешки необычные. Помимо физической еды, им необходимы эмоции для питания. И чем острее и ярче эмоции, тем более сытые, красивые и молодые лешки. Поэтому они всегда готовы разделить желание одиноких рантов и питаются нашими эмоциями во время секса. Омолаживаются и добавляют себе сил и позитивной энергетики.

– Но после секса вы как трупы? – удивилась я.

– Да. За все приходится платить, за удовольствие побыть с женщиной – особенно, – резко ответил Илэр.

– Из-за… хм-м… большой груди меня примут за доступную и желающую зарядиться и омолодиться лешку? – стараясь выдержать ровный тон, не выказать своего негативного отношения к чужому обычаю, уточнила я.

– С лешкой и рантаной тебя не перепутать. Никакого сравнения. Ты – другая, – категорично заявил Илэр.

Джар бросил на меня короткий взгляд и произнес:

– Единственная землянка из неизвестной нам галактики, единственная светловолосая и белокожая, будто выдуманная женщина…

– Которая не знает, где ее дом, и прекрасно понимает, что дорогу назад найти невозможно. Единственная одинокая землянка, которую неизвестно что ждет дальше, – закончила я горько.

Запрыгнув на первый уступ, Илэр продолжил откровения:

– Судя по обоюдной реакции наших с Джаром ранов на тебя, мы однозначно полностью совместимые виды. Поэтому по возвращении на Рант тебя зарегистрируют в женской базе. Поверь, отбоя от вызовов не будет! И об одиночестве придется мечтать.

– Я думаю, даже не рассчитывая получить потомство, тебя забросают вызовами, – бесстрастно произнес Джар. Затем передал сумку с продпайком Илэру, забрал у меня рюкзак и подтолкнул к скале: – Иди впереди меня. Я подстрахую.

Камни были горячими, края уступов острыми, высоты и подобных восхождений я боялась, но упрямо лезла. Мышцы дрожали от усталости, в ушах шумело, пот застилал глаза, но сама напросилась идти вместе с космическими десантниками. Да я готова была на любые подвиги, лишь бы следовать за своим нечаянным опекуном-защитником.

Чтобы отвлечься, я залезла на очередной уступ, цепляясь пальцами за подходящие выемки, и сипло от натуги спросила:

– Какими вызовами? И для чего нужна женская база?

Илэр ушел далеко, а Джару приходилось страховать меня, ни капельки не скалолаза. Оглянувшись проверить, где он, я увидела, что преодолела приличную высоту. Ох, зря я это сделала. Голова закружилась, ноги стали ватными. Стертыми до крови пальцами судорожно вцепилась в камни.

В этот момент на мои вопросы громко ответил Илэр, легко прыгая с уступа на выступ, словно огромная горная кошка:

– Когда разница между численностью мужчин и женщин стала слишком ощутимой, правящие ввели новый порядок. Теперь каждая рожденная девочка регистрируется в системе и по достижении зрелого возраста автоматически переводится в семейный раздел. После этого любой свободный рант, желающий образовать союз, может назначить ей встречу. Если женщине понравились презентация соискателя, его внешность, данные, психологические качества, желания и потребности, она согласится на первую встречу. Дальше – как повезет. Если первая встреча окажется удачной, будет вторая, а в перспективе – согласие на союз.

– А у вас как? – сразу задал вопрос Джар.

Я передохнула, отстранилась от стены, а то щека, которой я прижималась к камню, горела – наверняка получила ожог. Глубоко вздохнув, набираясь смелости, полезла выше, при этом откровенно рассказывая рантам о нашем семейном укладе. В том числе о том, что, в отличие от Ранта, на Земле женщин рождается равное количество с мужчинами. Права у обоих полов равные, работу каждый выбирает по себе. Космос тоже исследуем вместе.

Ранты даже выспросили, как знакомимся и общаемся. Я как раз дошла до личных, интимных отношений, но в этот момент мне пришлось прыгнуть, чтобы достать до следующей выемки. Острый край полоснул по пальцам, раскаленный камень обжег. Я отдернула руку и, вскрикнув, полетела вниз. Кажется, мне точно конец!

К счастью, в следующий миг меня поймал Джар, ловко посадил одной рукой на согнутое колено и приказал:

– Обхвати меня руками за шею, а ногами за пояс. Только крепко держись!

Я вцепилась в мужчину как клещ, не оторвешь. От страха – опять была на волосок от смерти – дышала рывками и старательно сдерживала слезы. Я не обуза, мне нельзя! Но тут же забыла про собственную установку – всхлипнула, упираясь лбом в черное бронированное плечо опекуна. А он без видимого напряга уверенно лез по скале с двойным грузом.

Наверху меня забрал Илэр и поставил на ровную площадку.

– Все нормально? – спросили мужчины, глядя, как я пытаюсь отдышаться, согнувшись в три погибели, и не рухнуть на колени.

Я кивнула и вымучила улыбку. Встала почти ровно. Джар вернул мне рюкзак, и я сразу полезла за водой. Достала три упаковки и предложила спутникам:

– Это вода… от дронов. Но мы пили, не отравились.

Никто не отказался от ворованных запасов… ой, нет, лучше сказать, трофейных, в свете последних событий на станции. Мы жадно осушили пакеты и продолжили путь. К моей радости, шли недолго. Миновав скопление глыб, вывернули из-за огромного валуна – и оказались в прямо-таки райском местечке, напоминающем тарелку с широкими краями.

Невысокий, но достаточно широкий водопад низвергается в круглое озерцо невероятного изумрудного цвета. К вершине водопада можно подобраться с обеих сторон по валунам. Вокруг очаровательного водоемчика симпатичный пляж из пористого светлого камня, огороженного валунами. Слева к «тарелке» примыкает лес, похожий на земные тропические джунгли, справа скопление камней.

– Красиво здесь! – выдохнула я, любуясь потрясающим пейзажем. – А то все глыбы и глыбы.

– Удобно и скрыто, – согласился Джар, поднял руку и выстрелил вверх тем самым зеленым пульсаром.

Я невольно вздрогнула, а пульсар, улетев ввысь, словно праздничный фейерверк, взорвался мелкими брызгами и медленно растворился в небе.

– Сигнал для других? Мы здесь не одни? – спросила я.

– Нас восемь, боевая группа зачистки, – ответил Илэр, подходя к водоему.

Джар легкой, пружинистой походкой направился к вершине, на ходу предупредив:

– Я сразу ирс установлю.

– Эвакуируют нас не скоро, – недовольно произнес Илэр, вглядываясь в даль.

В той стороне, у самого горизонта, виднелись очертания межзвездника. Жаль, отсюда нельзя разглядеть его форму.

Джар спокойно отозвался:

– Да, в лучшем случае через трое суток.

– Размечтался, – скривился Илэр.

Глава 7

Смотреть на восхождение Джара – одно загляденье! Он ловко взобрался по камням к верхушке водопада и замер на фоне чистого, бледно-голубого неба. Потрясающе эффектная, грозная, черная фигура победителя! Пока он крутил головой, внимательно осматривая окрестности, я глядела на него, просто не в силах оторваться. Для меня этот космический десантник за считаные часы стал олицетворением силы, мужества, заботы и безопасности. Хотя эти качества могут быть опасным сочетанием для меня – девушки несмелой, даже ранимой, пережившей слишком много трагедий, о которых никогда не забыть. Опасным для независимости!

И вновь шевельнулась тревожная мысль о последствиях страшных событий. Спасенные в момент смертельной опасности навсегда запоминают своего героя, подарившего жизнь: лицо, запах, голос, звук шагов. Вот и я, похоже, запечатлелась моим космическим спасителем.

Но об этом я подумаю потом! Если выживу!

Мой герой оперся коленом о камень и, нажав на что-то на бронированной руке, отделил предмет, похожий на небольшую палку. Надо полагать, тот самый передатчик ирс. Затем закрепил его между камнями для устойчивости. И я наконец приказала себе оторвать от него взгляд, чтобы заняться насущными делами. Положила рюкзак рядом с сумками с продовольствием и отправилась, как говорили ботаны, исследовать окружающее пространство.

Прошлась по берегу, заглядывая в идеально прозрачную воду. Озерцо напоминало сотворенную природой купель – если захочешь искупаться, придется прыгать сразу в глубину. Дно гладкое, словно отполированное. За пенящимися струями водопада скрывался небольшой грот, из которого можно спуститься в воду по естественным выступам, как по широким ступеням.

Полюбовавшись этим симпатичным местечком, спрятанным от чужих глаз, я обратила внимание на скопление глыб у самого обрыва. Туда, отделившись от водяного потока, убегал ручеек и исчезал в камнях. Подошла поближе и увидела вход в каменный коридор. Заглянула туда, но, прежде чем пройти вглубь, тревожно поискала глазами спутников. Илэр обследовал ближайший подлесок. Джар был наверху, поэтому решилась разведать естественный лабиринт самостоятельно. Прошла метра два, завернула за угол и невольно улыбнулась.

– Что там? – окликнул меня Джар.

– Если мы задержимся на планете на несколько дней, здесь можно устроить душевую и туалетную комнату, – громко ответила я, задрав голову.

Мини-лабиринт слишком быстро закончился небольшим закутком, куда сверху стекал ручеек. Вода падала на камень и, огибая преграды, срывалась со скалы в долину. Я выглянула между валунами и с трепетом посмотрела вниз. С высоты лес казался разноцветным морем, плескавшимся в огромной долине далеко-далеко внизу. Грандиозно и прекрасно! И все-таки высоко и страшно! Но закуток – просто идеальное местечко для личного укромного уголка, закрытое со всех сторон, и вода «отходы» сразу унесет прочь, заодно можно искупаться под упругими струями.

К моему возвращению на берег Илэр, тоже закончивший осматривать прилегающую к этому инопланетному оазису территорию, отчитывался перед командиром Джаром на ранте. Звучал он гораздо лучше булькающего дрона, и я решила начать изучение родного языка рантов. Ведь, если не обманули, теперь мне с ними жить.

– Джар, Илэр, прошу вас, перечислите мне на вашем языке основные местоимения и переведите на дроне: здесь, там, вверх, вниз, сесть, встать и прочие обычные действия.

Мужчины недоуменно приподняли брови, но выполнили мою просьбу. Я начала привычную любимую работу, повторяя новые слова, привязывая их к якорной цепочке из знакомых слов. Потом повторю всю цепочку, и перевод с любого языка сам собой всплывет в памяти.

– Зачем тебе? – заинтересовался Илэр.

– Хочу скорее выучить ваш язык, поэтому, если, конечно, не трудно, по возможности указывайте на различные предметы и называйте их на вашем языке и дроне.

– Легко, – заинтересовался Илэр и тут же показал пальцем на камни, озеро и назвал их на ранте.

И понеслось. Я благодарно кивала и повторяла цепочки запоминания. Пока краткие, потом длинные, чтобы закрепилось навсегда. Тем временем Джар подошел к водоему и, направив на него руку, что-то произнес и активировал сканер. У них зеленый цвет – любимый? Пульсары, несущие смерть, – зеленые; сканирующие лучи, которые вырвались из брони и расширяющимся конусом прошли по воде, тоже. А у меня нервы ни к черту, особенно после бойни на станции этими треклятыми пульсарами.

– Что ты делаешь? – насторожилась я.

– Джар проверяет, есть ли в воде вредоносная для нас жизнь.

– И как?

– Чисто, можно пить и купаться, – довольно ответил мне Илэр, взглянув на небольшой интерактивный экран, развернувшийся и над его рукой.

Ясно, они имеют возможность синхронизировать связь и передавать данные друг другу. Я тоже посмотрела, но кроме «чистых волн» ничего не увидела и машинально высказала мысли вслух, невольно передернувшись:

– Ну и хорошо, а я лучше в лабиринте за водопадом искупаюсь.

– Водоем безопасен, – отозвался Илэр.

Джар спокойно добавил:

– Мы отвернемся и не помешаем тебе.

Я натянуто улыбнулась и пояснила:

– После одного случая в экспедиции до паники боюсь любых водоемов.

– Прямо заинтриговала, – подтолкнул меня поделиться Илэр.

– Однажды на исследуемой планете мы чуть не потеряли человека. На первый взгляд, там было идеальное место. Наши сканеры тоже никакой жизни не показали. Даже бактерий, что само по себе уже странно. Но стоило одному из военных залезть в похожий водоемчик – его там чуть не сожрали! В покое те твари были совершенно инертны и прозрачны. А стоило еде рядом оказаться – Ивара буквально облепили какие-то омерзительные, склизкие ленты. Наш биолог его дезинфекционным средством облить успел, так, на всякий случай. Бедняге Ивару повезло: тварюги отвалились, а он живой остался. В общем, при детальном исследовании мы выявили практически во всех средах подобных хищников с поразительными способностями мимикрировать под любое окружение. Вот такие пренеприятные жители на той прекрасной планете водились, оказывается. Мы месяц на карантине на орбите висели – проверяли, не подцепили ли кого нечаянно.

Мужчины внимательно, заинтересованно слушали, затем Джар уверенно заявил:

– В дрифте имеются данные о животном и растительном мире Полярной. Наши ученые исследовали здесь много…

– Но не все, – напряженно помотала я головой, отступая от воды, а то вдруг искупают насильно.

– Хорошо, мы займем этот водоем, а ты свой… туалет, – неожиданно весело усмехнулся Джар.

Улыбка волшебным образом смягчила его резкие черты, а необычные глаза засияли нарядными пушистыми снежинками. Я засмотрелась на опекуна, что не осталось незамеченным обоими рантами, смешалась и перевела разговор на другую тему:

– Здесь безопасно? Мы остаемся?

– Да, – кивнул Джар, направившись к камням, лежавшим у края площадки широкой буквой «Г».

И снова я зачарованно смотрела, как раскрывается на нем многофункциональный «костюмчик», – гораздо быстрее и больше, чем на станции. Уже через несколько секунд дрифт сложился в более толстую спинку с рукавами. Видимо, именно там расположены системы жизнеобеспечения. Джар аккуратно снял и положил бронированную «одежду» у камней, оставшись в светло-серых, легких, бесподобно облегающих его поджарое мускулистое тело футболке с рукавами до локтя и брюках, и еще смешных тапочках на гибкой подошве. Наверное, это специальная форма под дрифт, чтобы не стеснять движений и чтобы тело свободно дышало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/olga-guseynova/edinstvennaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить